

Сирийская революция

Последние события в Сирии, или, точнее, на территории которая была сирийским государством до 2011 года, стали самым сложным звеном в цепочке революций, начавшихся в арабском мире в конце 2010.

Восстание против авторитарического режима, незавершенная революция локальных самоуправлений, вмешательства на грани геноцида США и России, беспорядочная война всех против всех, появление Исламского Государства, особая ситуация с курдскими коммунами Рожавы, сотни тысяч смертей и миллионы беженцев, глобальный военный конфликт и, казалось бы, несовместимые тактические союзы и многие другие аспекты — все это куски той головоломки, которая отражает текущее противостояние между главными геополитическими силами современности.

В силу таких событий мировой истории, все революционные движения должны анализировать всю имеющуюся информацию, дискутировать, приходить к выводам, чтобы в итоге сформировать собственную позицию и бороться, не выпадая и понимая контекст этой исторической реальности.

Данный текст не претендует на звание исчерпывающего исторического расклада. Тем не менее он открывает дискуссию, которая призвана для исследования всех поднятых вопросов. Также, наша цель трансформировать наши идеи в действие, таким образом наш выбор идти против той общераспространенной инерции, которая окружает эту тему.

Этот исторический период требует гораздо большего, чем просто теоретический анализ. Кровавая баня войны все ширится и теперь доходит до Европы. Поэтому мы должны срочно организовать антивоенное движение, которое будет требовать и бороться за прекращение международной военной интервенции, поставит во главу угла идеи горизонтальной самоорганизации, укрепит угнетенных и в конечном счете сможет противостоять подъему тоталитаризма.

Мы отлично понимаем, что ничего не может быть достигнуто, пока мы не будем сражаться на всех уровнях и всех направлениях, чтобы активизировать и расширить нашу фундаментальную горизонтальную самоорганизацию.

тюрьма Коридалос, январь 2017

1. Введение

Восстание в Сирии, после этого в Бахрейне (которое было утоплено в крови Саудовской Аравией), было последним звеном в цепи восстаний в регионе Магриба в 2011 - 2013 годами. Западные средства массовой информации назвали эту серию восстаний «Арабская весна», подразумевая, что требование восставшего населения заключается в замене их политических систем режимом представительной республики, а именно демократией западного типа.

Тем не менее есть и другие решающие факторы, лежащие в основе этих восстаний. Во-первых, это международная неолиберальная повестка дня, продвигаемая правительствами государств, которая служит корпоративным интересам преимущественно западных, российских, китайских и арабских экономических элит. Фактически, приватизация, начатая государствами, вызвала растущее недовольство народа, поскольку значительная часть населения становилась беднее и беднее. Во-вторых, это насилие, с которым сталкивались даже самые мирные демонстрации. Задолго до того, как искра (вызванная самосожжением Мохамеда Буазизи) распространилась из Туниса в Сирию, демонстрации проходили со смертельными исходами для протестующих. Кроме того, структурные сходства этих режимов, аналогичная социальная стратификация их населения, а также схожие характерные черты человеческой географии в регионе, представляют собой еще один фактор, который сыграл важную роль в распространении восстаний из Туниса в Ливию, Египет, Сирию и Йемен. Наконец, стоит отметить, что быстрота, с которой эти режимы были свергнуты, укрепила убежденность протестующих в том, что диктаторы на самом деле вовсе не являются недостижимыми.

Хотя все эти факторы сосуществовали в Сирии, ситуация развивалась по-разному. На данный момент геополитическая ситуация в Сирии является глобальной головоломкой без решения. Все

империалистические правители - глобальные или региональные - попадают в замкнутый круг конфликтов, оппортунистических союзов и неясных стратегических целей в рамках своего присутствия в этом районе. Ситуация, похоже, зашла в тупик, но тем временем продолжает проливаться кровь.

То, что происходит в Сирии уже около четырех лет - то есть с начала спонтанного восстания, которое начало ослабевать и уступило место военным действиям между различными конкурирующими сторонами - свидетельствует о том, что влияние и прямое вмешательство мировых держав и их агентов расширили поле боя и, вместе с ним, рынок и экономику войны.

Расколы в обществе слишком глубоки, и никто не может вывести ситуацию из этого хаоса. Так называемые «переговоры» и «мирные соглашения» - это не что иное, как планы на бумаге, если они не могут создавать обязательные решения. В настоящее время Сирия не в состоянии вернуться к довоенному состоянию. В то время как переговорщики (правительство, непрощенные представители оппозиции, США, Турция, Россия) настаивают на разработке переходных планов, которые позволили бы Асаду остаться у власти, большое количество его противников ни за что не согласятся с этим.

Более пристальный взгляд на ход событий позволит нам понять, как ситуация зашла в этот тупик, который мы видим теперь. Первые протесты в марте 2011 года, которые требовали реформ, а не смены режима, вспыхнули во всех крупных городах, и силы безопасности Асада ответили чрезмерным насилием, убив десятки протестующих, пытая и организуя «исчезновение» сотен. В результате многие люди заняли более радикальную позицию и потребовали падения режима.

Органы государственной власти покинули несколько городов, и самоорганизация стала главным координатором повседневной жизни: в деревнях и окрестностях были созданы инфраструктура здравоохранения, водоснабжения и т.д. К сожалению, этого не произошло в области самообороны, и это нанесло ущерб сохранению первоначального характера восстания. Часть армии, включая генералов и командиров со своими силами, присоединилась к антирежимной стороне и вскоре сформировала ССА (Свободная сирийская армия). В этот момент стало очевидным участие международных сил. Западные державы (США, ЕС, НАТО и др.) вооружили антирежимные формирования, в то время как российское государство вооружило союзников Асада. В тот же период Курдские районы Северной Сирии были самыми бедными во всей стране и преимущественно контролировались РYD (филиал турецкой Рабочей Партии Курдистана (РПК)). В то же время РYD следовали модели коммунального управления в экономике и социальной жизни на подконтрольных ей территориях.

Под социальным давлением Асад даровал амнистию многим политзаключенным, и это событие еще больше осложнило ситуацию. Многие из освобожденных политических заключенных были курдами и мусульманскими фундаменталистами (3). Последние отделились от иракской «Аль-Каиды» и в конечном итоге сформировали ИГ, которая провозгласила территориальное становление для салафизма. Тоталитарные монархии в Персидском заливе (особенно Саудовская Аравия и Катар) поддерживали фундаменталистов большими деньгами и оснащением, чтобы увеличить их манипуляционное влияние в регионе. Эта поддержка усилила ИГ, а также Аль-Нусру, которая является еще одним ответвлением Аль-Каиды в Сирии, занимавшей доминирующую роль в оппозиции по сравнению с (подорванной и плохо оснащенной западным блоком) ССА.

Экспансия ИГ на запад в течение 2014 года не получила препятствий. Ни западные державы, ни Россия не считали присутствие ИГ угрозой своим интересам. Только после героической и решительной борьбы курдов и международных бойцов против ИГ в Кобани американские и российские государства поняли, что расширение прав и возможностей курдов могло бы служить их интересам в этой области. Такое развитие событий не удовлетворило турецкое государство, которое уже давно имеет свои причины выступить против курдского самоопределения, главным образом, из-за отношения своих американских союзников. Используя войну с терроризмом в качестве предлога, турецкое государство сначала напало на населенные курдами районы Юго-Восточной Турции, а затем на курдские кантоны в Сирии. К середине 2015 года режим Асада потерял контроль над многими территориями и существовал главным образом в столице и нескольких прилегающих районах на Западе. Решительное вмешательство ВВС России предотвратило дальнейшее схлопывание режима и позволило ему вновь оккупировать некоторые регионы.

Сегодня, спустя большое время после первоначального восстания и революции, которая превратилась в кровавую бойню, мы стоим в середине хаотической войны. Очевидно, что любая геостратегическая гипотеза рискованна. С одной стороны, социально-политическая стабильность кажется имеющей важное значение для международной экономической торговли. С другой стороны, нестабильность и разрушение инфраструктуры кажется способствующей экономическим интересам некоторых блоков власти. Такие перестановки усилили конфликты, организованные транснациональными альянсами и их агентами. "Военная экономика" является неотъемлемой частью глобального капитализма, который продвигает эти блоки власти.

Первоначально США вооружали ССА в той мере, чтобы просто защищаться, но не сдерживать правительственные войска (4). Точно так же российское государство открыто вмешивалось от имени союзников Асада. Однако это вмешательство было недостаточно своевременным, чтобы помочь ему победить. Вместо этого поддержка дошла, когда он чуть было не рухнул. Рынки оружия, телекоммуникаций, продовольствия и топлива - это крупные рынки, которые могут увеличивать свою прибыль в военное время. Торговля - законная или нет - (главным образом бензином) между противоборствующими сторонами может показаться противоречивой на первый взгляд, но именно так война действует в эпоху современного капитализма. Еще одним серьезным препятствием для стабильности является тот факт, что значительная часть воюющих сторон не соблюдает соглашения господствующих держав и продолжает войну в условиях крайних мер. Очевидно, что война могла закончиться в отсутствие всех этих замысловатостей.

2. РЕВОЛЮЦИЯ

Предреволюционная ситуация в регионе

Для лучшего понимания эволюции сирийской революции до ее первоначальной вспышки (известной как «Арабская весна») мы рассмотрим эпоху начала 20-го века. Когда-то великая Османская империя находилась в состоянии распада, и предки современных империалистических держав, в основном английских и французских колонистов, разделили Ближний Восток на зоны влияния, проявив абсолютное пренебрежение к народу, поскольку их главный интерес был направлен на экономические особенности района. Затем пришло время создания протекторатных государств, связанных с интересами Англии или Франции. Итак, в середине 20-го века и после окончания Второй мировой войны, в то время, когда границы

государства Израиль были произвольно отмечены в центре Ближнего Востока, некоторые государства в этом регионе, такие как Ливан, Сирия и Ирак боролись и обрели независимость. Государства как таковые - характеризующиеся произвольными границами, ограниченным социальным сплочением и огромными (в основном, расовыми) различиями - являются результатом беспощадных действий европейских империалистов последних десятилетий.

Сирия - страна огромного неравенства. Хотя 75% населения составляют суннитские мусульмане, которые были произвольно отделены от суннитов северного Ирака, береговая линия Сирии - самая плодородная и богатая земля - населена сильным меньшинством алавитов и шиитов. В последние 45 лет эти меньшинства монополизировали власть через режим Асада и его сына, что увековечивало, в частности, вечный конфликт между суннитами и мусульманами-шиитами. Это не обязательно означает, что все алавиты принадлежат к высшим классам социальной стратификации. Что касается семьи Асада, она пришла к власти через военный переворот Хафеза Аль-Асада в 1970 году. Он и нынешний диктатор Башар аль-Асад управляли железной рукой и строили жестокую диктатуру. Даже незначительные относительные свободы гражданской демократии были ограничены. Вся политическая жизнь полностью и строго контролируется единственной юридической политической партией, Баас и ее союзниками. Профсоюзы, социальные группы и все организованные группы контролировались режимом. Тысячи политических заключенных, активистов и диссидентов были жестоко брошены в тюрьмы режима. Этот кровавый режим применял политику, которая увековечивала длительные разногласия и противоречия.

Несмотря на то, что Хафез управлял железной хваткой, он применял популистскую экономическую политику и, таким образом, обеспечил довольно достойный уровень жизни для значительной части населения. Однако за несколько лет до начала восстания его сын Башар Аль-Асад начал проводить серию неолиберальных реформ, следуя экономической доктрине МВФ. Этот сдвиг нарушил связь между режимом и обществом. Эти реформы означали четкое разделение. С одной стороны стояла капиталистическая элита, в которую входили многие члены семьи Асада, которые получили право собственности на телекоммуникационный сектор, а также почти все богатства страны в кратчайшие сроки (5). На другом конце стояла массовая безработица, обнищание населения и, как правило, углубление классовых различий.

Эти самые противоречия вышли на передний план общего духа «арабской весны» и стали первоначальным стимулом для восстания задолго до того, как оно было представлено исключительно как революция против репрессивной диктатуры Асада. Важно подчеркнуть тот факт, что дух «арабской весны» сыграл важную роль в начале, особенно на начальных этапах восстания. Мохамед Буазизи, уличный продавец фруктов, поджог сам себя, вызвав героические бунты в ряде стран, таких как Тунис, Египет, Йемен, Бахрейн и Сирия. Хотя эти вспышки могут показаться не связанными друг с другом - с точки зрения «международной конкуренции» - есть решающий фактор, который объединяет их всех. На протяжении десятилетий все эти страны управлялись диктаторами, неолиберальная политика которых привела к бедности и социальной изоляции для широких слоев населения.

Конечным, но не менее важным фактором в регионе являются военные операции в ряде стран Ближнего Востока, проводимые в основном западными империалистическими державами. Вторжение советских войск в Афганистан в 1979 году, наглая помощь США фундаменталистам, «гуманитарные» вторжения американского государства и НАТО в Афганистан в 2001 году и в Ирак в 1991 и 2003 годах; все эти действия убили и насильно переместили население этих

районов, захватив их в порочный круг насилия, и при этом послужили интересам государств и экономических элит. Геноцид населения в этой области, организованный Западом в сочетании с нацистской политикой, осуществляемой Израилем, привел значительную часть арабского общества к исламскому фундаментализму. В результате организованные исламские группы, такие как «Аль-Каида» или ИГ, являются единственными, кто в глазах этих людей противостоит армии оккупантов и рабским режимам. Таким образом, восстания народов, требующие свободы и прав, превратились в войну за пропаганду идей нетерпимости.

Первый этап: начало революции

Итак, в описанных выше обстоятельствах дух «арабской весны» пришел в многострадальный район Сирии в середине марта 2011 года, вызвав героическую вспышку восстаний, которая превратилась в революцию; революцию, которая, к сожалению, сегодня приняла форму длительной гражданской войны и стала местом экспериментов для глобальных империалистических держав. Арест и унижение человека, обвиняемого в нарушении правил дорожного движения, а также арест молодых людей за антиправительственные граффити вызвали первые массовые демонстрации (6).

Первоначальные демонстрации были полностью спонтанными без четких политических требований. Среди организаторов были клерикалы и левые художники, цель которых, помимо их врожденной воли противостоять режиму, была не в том, чтобы свергнуть его, а реформировать. Это, конечно, быстро изменилось после того, как мирные демонстрации были подавлены посредством насилия, пуль и крови. Подавление демонстраций (например, массовые убийства 18 и 19 апреля в Хомсе, где были убиты 21 демонстрант, или осада в Дарае, где десятки человек были убиты с 25 апреля по 5 мая) вместе с волей народа послужили катализатором необратимости ситуации. Демонстрантов становилось все больше и больше, они требовали свободы и падения диктатуры. Конечно, это развитие сделало реакцию Асада более жесткой. Еще большие протесты столкнулись с пулями армии и штурмом наемников режима в военной форме, а также с убийствами, совершенными незаконными группами, связанными с Асадом, и известными как Шабиха. Количество убитых, раненых и арестованных людей росло экспоненциально, но в то же время упорство протестующих становилось все сильнее. Несмотря на массовые убийства, они продолжали встречаться на улицах, они продолжали сражаться, они продолжали проливать свою кровь, чтобы выиграть борьбу с режимом.

В этих условиях появились первые самоорганизованные инициативы. Из-за большого числа участников восстания силы режима покинули целые пригороды и даже крупные районы городов. Поэтому самоорганизация была не просто политической процедурой, а ответом тех, кто находился внизу на полное отсутствие государства и его структур в этих районах. Эта спонтанная самоорганизация была крайне многообещающей для революционных движений, поскольку затрагивала все сферы общественной жизни. Важным фактором для такого развития событий была чрезвычайно сложная ситуация, в которой оказались люди из этих районов, и именно это укрепило социальную солидарность. Коллективное управление продуктами питания и жильем, дома, превращенные в самоорганизованные больницы и школы, самоорганизованные средства массовой информации, спасательные команды, электричество и водоснабжение - это конкретные примеры, свидетельствующие о том, что люди могут самоорганизоваться за пределами государств, политических партий и профсоюзов. Это начальное народное движение было стимулировано и политически защищено идеями анархиста Омара Азиза. Этот факт может стать неожиданностью для всех тех, кто недальновидно предпочитает интерпретировать

события только на уровне противостояния государств, игнорируя классовый анализ и, таким образом, становится апологетом тоталитарных режимов. Итак, спустя несколько месяцев после начала восстания анархист Омар Азиз (который в конечном итоге умер в тюрьме режима в 2013 году) выдвинул идею местных комитетов, которые распространились на большую территорию Сирии в следующие месяцы (7), прежде чем они были уничтожены силами режима или реакционными оппозиционными организациями. Его вдохновение было важным политическим вкладом, это не просто исторический рассказ. Этот опыт до сих пор живет в диссидентских регионах Сирии, таких как Алеппо, где люди продолжают организовывать общественную жизнь под звуки бомб и лишений, и выступают не только против режима, но и против коррумпированных лидеров вооруженной оппозиции. (8)

Основной принцип этой деятельности состоял в том, чтобы управлять всеми секторами жизни самоорганизованным образом, без необходимости подчиняться каким-либо силовым структурам. К сожалению, однако, в решающий момент конфликта - то есть, когда усиливалось насилие особенно со стороны режима - самооборона этих низовых комитетов не продвинулась достаточно успешно.

Десятилетия правления хунты Асада в Сирии привело к отсутствию организованных политических структур, которые могли бы с самого начала - и до того, как репрессии подавили спонтанность - не только формулировать общие требования, но и укрепить защиту возникающего революционного движения как от бандитов в форме на службе режима, так и от главного врага революции - радикальных исламистских группировок. Как упоминалось ранее, революции были вызваны неолиберальными реформами режима. Важно иметь в виду, что, когда в Сирии вспыхнуло восстание, движения народов уже свергли диктаторов, которые правили много лет, таких как Бен Али в Тунисе или Мубарак в Египте. Сирийцы могли ожидать, что падение режима Асада будет проще и быстрее. К сожалению, они недооценили кровавого мошенника, которого они имели на посту президента, а также преуменьшили интересы глобальных и региональных «игроков», таких, как США, Россия, Иран, Саудовская Аравия и Турция.

Более того, важно отметить, что в двух крупнейших городах Сирии, а именно в столице Дамаске и промышленно-развитом Алеппо, восстание произошло не сразу. Это дало режиму шанс избежать дальнейших битв и сохранить в значительной степени свою экономическую и политическую мощь. Как мы видим, особенно в отношении Дамаска (столицы Сирии), тот факт, что он не был оккупирован антиправительственными силами, означал победу режима и потерю для повстанцев как в символическом, так и в материальном плане.

Второй этап: Милитаризация

Несмотря на то, что местные координационные комитеты находились на пике своей политической силы, они не смогли преуспеть в вооруженной борьбе из-за нехватки боеприпасов и военного опыта. Единственная горизонтальная структура не смогла рассчитывать на саму себя в столкновении против режима, когда последний раскрыл свое кровавое лицо, расправляясь с целыми демонстрациями.

Именно недостаток вооруженных коллективов, появившихся из сердца революции, создал первый раскол. Правильно это или неправильно, но власть тех, кто участвует в революции или в войне, аналогична оружию, которое у них есть. С того момента, как режим активизировал противодействие, вооруженные группы должны были сыграть ключевую роль в развитии

борьбы. Фактически, на данный момент существует принципиальное различие между нашим мнением и мнениями тех, кто в целом критикует милитаризацию революции. Для нас, в зависимости от противника, против которого вы выступаете, наступает момент, когда вам нужно сражаться. В этот решающий момент отсутствие революционной организации, которая могла бы, с одной стороны, выиграть битву, а с другой - распространить практику самоорганизации на всех революционеров - становится очевидным. Конкурирующие монархии Персидского залива и фашистское государство Турции воспользовались этим недостатком структур, укрепляя и вооружая каждую группу, которая могла бы лучше служить их интересам. Этот шаг усилил конфликты в регионе, которые тлели в течение многих лет. Для западных людей, которые лишь слегка испытывают на себе воздействие газов во время демонстраций и просто убегают, легко обвинить людей Ближнего Востока и, в частности, сирийцев, за «слепое следование» радикальным исламистским группировкам. Мы хотим смотреть шире, вне зависимости от политической чистоты, и оценивать ситуацию в более широких масштабах.

Когда люди страдают от голода, когда режим убивает, когда пули свистят слишком близко, большинство людей, чтобы чувствовать себя комфортно во время демонстраций, не сосредотачиваются на политических идеях или императивах, а сосредотачивается на способности обеспечить безопасность, и способность противостоять вооруженному противнику на равных условиях. В случае Сирии, когда революционное движение находилось на начальном этапе, эта потребность была покрыта в первую очередь светскими группами ССА, а затем - фундаменталистами Аль-Нусры, ИГ и другими. Мы должны понимать, что помимо предсказуемой реакции глобальных империалистов, которые стремятся помешать или отклонить любую революционную попытку во всем мире, результат также зависит от слабостей местных революционных движений, а также от глобальной солидарности, которую проявят революционеры из зарубежных стран.

Важным фактором, который сдерживал революцию и проложил путь исламистам, был последовательный пораженческий дух народа, поскольку они видели, что Асад остается у власти и усиливает насилие. Как мы упоминали выше, из-за тунисского и египетского опыта, сирийцы могли подумать, что, несмотря на сильные репрессии, падение Асада будет делом дней. Итак, когда этого в итоге не произошло (по причинам, которые мы объясним позже), отрицательные чувства и долгоживущая ненависть вышли на поверхность. Люди либо начали отступать от революционных попыток и массово покидать страну, либо искать спасителей, чтобы вытащить их из тяжелой ситуации. Еще раз, отсутствие организованного политического контрпредложения послужило катализатором того, как сложилась ситуация.

Свободная Сирийская Армия (ССА)

Во-первых, мы можем сказать, что, в отличие от других аспектов, самооборона революционных сообществ частично не в состоянии использовать военную технику. Бойцы армии перешли на сторону противников режима и создали военное движение, которое впоследствии превратилось в ССА и стало заполнять этот вакуум. Несмотря на то, какое впечатление может создать это название, эта организация на самом деле состоит из примерно 1500 небольших групп людей, чьи политические взгляды и происхождение настолько различны, что они часто борются друг с другом. ССА была создана после резни в Дарае и Хомсе, где солдатам приказали стрелять в демонстрантов. Тот, кто не подчинился приказу, был казнен (9). В этих условиях к ССА присоединилось много солдат и бывших генералов армии Асада. Некоторые сделали это, потому

что они не хотели участвовать в убийствах, в то время как другие ожидали падения режима и хотели извлечь выгоду из новой ситуации.

Поскольку люди, которые хотели сопротивляться, не могли самоорганизовать свою защиту так, как они это делали с другими аспектами жизни, они присоединились к этим группам, которыми управляли (каким-либо образом) некоторые бывшие генералы Асада. В любом случае сущности, созданные во время революции, не имеют никаких политических предпосылок или идеологической основы. Это имеет как положительные, так и отрицательные последствия, о которых мы поговорим ниже. Из-за хаотической внутренней ситуации к ССА присоединились все люди, от демократов до радикальных исламистов и просто головорезов. Эти люди несут ответственность за зверства, совершенные позднее (10), поскольку не было центрального контроля, способного их сдерживать.

Эти группы политически «представлены» самозванной, изгнанной политической структурой, называемой Сирийской национальной коалицией сирийской революции. Некоторые из них обратились в США и Турцию за поддержкой и, в конце концов, получили военную технику, а в некоторых случаях даже подготовку из США, чтобы воевать на должном уровне. Что касается США, то помощь предоставлялась не всем группам. Те, кто считается достойным поддержки, это те, кто был достаточно контролируемым, чтобы обеспечить усиление переговорной роли США в этом регионе - или, возможно, те, кто также стремился создать состояние войны в форме стратегической напряженности; но, несомненно, стимулом для этой поддержки было не то чтобы помочь этим группам победить Асада или поддержать оппозицию. В случае Турции помощь оказала большое влияние на единство революции, поскольку она позволила турецкому государству увеличить свое влияние на выбор, сделанный руководством оппозиции. Отношение Национальной коалиции к курдскому вопросу является характерным примером такого рода. Ее руководство контролируется «Братьями-мусульманами», что несколько раз сыграло очень неприятную роль в попытке договориться с Асадом. Но истории, связанные с коррупцией, подрывали к ним доверие, что предотвращало применение этих неприятных соглашений на практике.

Независимые бригады

Важно упомянуть, что у оппозиции в Сирии в первый момент существовали независимые бригады. Они не участвовали в центральном управлении ССА, хотя они, возможно, и были заклеены этим ярлыком. Поскольку они не имели поддержки какой-либо большой силы, учитывая, что они не поддавались контролю, большинство из них не набрало достаточных сил для определения развития революционной борьбы. Эти независимые бригады выражали широкий спектр политических идеологий, начиная от радикального исламского консерватизма и заканчивая левыми взглядами и идеями (например, бригада Льва Седова (11) или бригада фракции Народного освобождения (12)).

Аль Нусра

В то же время «Аль-Нусра» появляется в качестве ответвления «Аль-Каиды», которая доминирует, поскольку ее хорошо вооружила Саудовская Аравия и Катар, чтобы превзойти ССА в военном плане. Она привлекает множество бойцов, радикализируя революцию в направлении Ислама. Сам Асад позаботился об ее усилении: для этой цели он выпустил из тюрьмы сотни радикальных исламистов, которые в настоящее время являются лидерами ИГ (мы не знаем, он

просто поддавался давлению, пытаясь остановить революцию или он сделал это намеренно, стремясь к долговременной стратегии растворения смыслов и сопутствующей изоляции революции). Таким образом были созданы условия для создания ИГ.

Исламское Государство

В то время как Аль-Нусра и другие «умеренные» вооруженные группы с фундаменталистскими ориентациями объединились с ССА в буржуазно-демократическую политическую структуру, ИГ сразу же применило исламский закон (Шариат) и серьезно подорвало положение женщин в обществе и легитимировало такие формы насилия, как избивания, обезглавливания и распятия на улицах. Поскольку Аль-Нусра хотела казаться умеренной, она осуждала эти практики, критикуя их как преждевременные. На самом деле Аль Нусра утверждает, что людей нужно обучать Шариату до того, как он будет применен на практике. Тем не менее в глубоко религиозном обществе Сирии эти группы нашли питательную среду из-за угнетения и нападений Асада.

Вначале ИГ занимало значительную часть территории Сирии, нападая на силы противников режима, которые оно не контролировало, напало на курдские районы, проводило этнические чистки, поддерживало торговлю женщинами и рабами и получала выгоду от торговли бензином. В Алеппо и других местах, находящихся под контролем оппозиции, штаб-квартира ИГ была уничтожена нападениями ССА. Не удивительно, что люди, которые пострадали от массовых убийств, нашли спасителей в лицах джихадистов, не обращая внимания на намерение последних установить более авторитарную форму угнетения. Однако значительная часть населения в городах, занятых ИГ, продолжала выступать как против Асада, так и ИГ, и жестокой политики обоих. В результате исламский халифат с чрезвычайной жестокостью обращался с протестующими.

Общины Рожавы

Между тем, на севере Сирии находится курдская PYD, которая считает революционные условия полезными для своих начинаний. Используя вакуум власти, она, посредством своих вооруженных сил, а именно YPG и YPJ (последняя - это известное женское формирование) захватывает определенные территории. Эта партизанская армия базировалась в горах Курдистана, так же как и ряд других полулегальных курдских организаций. Они замаскировали свои действия реформистской риторикой, чтобы заложить основы для создания Рожавы под формальной властью режима Асада. На тех территориях, что они заняли, самоорганизация нашла пространство для роста, поскольку люди пытались заменить разрушенные социальные структуры государства. То же самое произошло в остальной части Сирии, где люди снизу организовали все сферы социальной жизни, от производства до самообороны, поскольку атаки ИГ создавали потребность в самообороне. Именно так были созданы кантоны Рожавы. С самого начала YPG / J столкнулись с ИГ и освободили районы от его тирании.

В этих областях возникает новая социальная реальность, в которой институты государства уступают место новым федеративным демократическим структурам, основанным на сотрудничестве людей и самоорганизации. В то же время женщины приобретают выдающуюся роль в общественной жизни и активно участвуют в битвах, в то время как революционеры со всего мира приезжают для поддержки борьбы курдов против ИГ.

Разумеется, мы не можем называть эти события коммунистической или анархистской революцией, поскольку экономическое неравенство не затрагивалось, хотя шаги были предприняты в этом направлении, поскольку внизу социальной лестницы установилась низовая саморегулируемая экономика на основе обмена. Эта экономика сосуществует с традиционной торговой системой, возглавляемой небольшим капиталистическим бизнесом, в то время как социальные структуры, при централизованном контроле PYD, еще не потеряли свой иерархический характер. В этом контексте существует конституция как часть «прогрессивной» системы правосудия, в которой предусмотрены народные суды, полицейские силы (Асаеш) и тюрьмы.

Другими отрицательными моментами является обязательный призыв, который был вынужденной мерой во время войны, а также сдерживание политических структур, которые не находились под контролем PYD. В некоторых случаях члены этих политических формирований были арестованы по разным подозрениям. Эти события привели к некоторым выступлениям против PYD, которые подавлялись, а в некоторых случаях, как в Амуде, закончились кровью (13).

Важно оценить и рассмотреть все, что там происходит, по сравнению с ситуацией до революции, когда у курдов не было гражданства, когда они считались гражданами второго сорта, или они не имели права говорить на своем языке, могли владеть ограниченным количеством деревьев или животных. Кроме того, для того, чтобы понять социальные достижения сообществ Рожавы в отношении мультикультурализма и социального статуса женщин, мы должны рассматривать их условия в сравнении с остальной Сирией, где доминирует религиозный элемент. Чтобы понять потенциал революции в экономической сфере, мы должны учитывать, что до революции Северная Сирия жила в полуфеодальных условиях. Неустанное угнетение в курдских районах привело к тому, что общины были основаны на отношениях солидарности и общинных структурах, провозглашенных их руководством, а также революционерами со всего мира, которые поддерживали все эти прекрасные идеи и действия.

Третий этап: гражданская война

Режим

Между тем, иранский репрессивный режим и шиитская «Хезболла» присоединились к стороне Асада, также сделала и Россия, которая оказала ему поддержку, чтобы обеспечить свои интересы. Эта поддержка в свое время внесла большой вклад в обретении власти партией Баас и бессрочное продление сопутствующей этому экспансии. Таким образом, режим поддерживал контроль над столицей и занимался не только предотвращением развала государства, находящегося под угрозой, но и защитой российских военных баз в Латакии и Тартусе, расположенных на береговой линии Эгейского моря. Эти факторы стали ключевой причиной для решения России вмешаться.

Столкновение режима и оппозиции

Несмотря на то, что на предыдущем этапе антиправительственные силы оккупировали небольшие провинциальные города, позднее ССА вторглась в крупные города, среди которых был Алеппо.

Реакция режима заключалась в усилении атак и практике неизбирательной бомбардировки безоружных групп населения в районах, занятых повстанцами. Бочки, наполненные

взрывчаткой, были слепо сброшены с вертолетов на населенные районы восточного Алеппо, занятые антирежимными силами. Такие события стали типичны для повседневной жизни. Вооруженные группы головорезов, оплачиваемых режимом, такие как Шабиха, совершали ужасные массовые убийства суннитов (14), разжигая тем самым сектантскую ненависть в разделенном обществе Сирии.

В этих условиях то, что изначально казалось смехотворной пропагандой режима превратилось в реальность. Когда гражданская война происходит в стране, управляемой сектой, состоящей из 10% наиболее привилегированных, а именно алавитов, сектантский спор принимает классовые измерения, что удивительно напоминает национальный спор между израильтянами и палестинцами. Итак, учитывая, что сам режим способствовал тому, что сектантство стало непрерывной и преднамеренной практикой социальной сегрегации, сунниты перестали быть просто религиозной идентичностью. Вместо этого суннизм стал символизировать угнетенных. Среди отчаяния войны и смерти религиозные чувства усиливаются и становятся последним убежищем для слабых, которые должны, тем не менее, противостоять государственной машине убийства. Нет сомнений в том, что тот, кто теряет своих детей при слепой бомбежке, проводимой режимом, может легко превратиться в экстремиста.

В то же время антирежимские силы часто сталкивались с ИГ, которое становилась все сильнее, поскольку оно воспользовалось кровопролитием, вызванным режимом. Контроль над регионами постоянно менялся, и режим тоже иногда боролся против ИГ, чтобы сохранить контроль.

Тем временем «Аль-Нусра» укрепила сама и усилила свое влияние на сторону противников режима, в то время как ССА медленно ослабевала из-за серьезного отсутствия военной техники и боеприпасов. Чтобы решить этот серьезный недостаток, многие из его бригад поддерживали салафитскую риторику, чтобы получить помощь монархий Персидского залива.

Так или иначе, ССА не контролировала себя изнутри. Ее руководство встретилось с делегацией Асада в Дамаске в 2013 году, чтобы достичь мирного соглашения, и эта попытка привела к тому, что многие бригады отвернулись от руководства, и в то же время многие бойцы присоединились к лучше экипированной Аль-Нусре.

Аль-Нусра заключила в тюрьму некоторых противников режима, поскольку они считались опасными из-за их политических взглядов, и многие из этих революционеров погибли, когда режим бомбил тюрьмы и штаб-квартиру организации. Политика Аль Нусры была полностью сектантской, способствовала исламизации революции и исключительному участию суннитов. Показателем этой политики было нападение на левую повстанческую группу из Народной Освободительной Фракции, которая направлялась в Алеппо, чтобы сражаться на стороне повстанцев. Были убиты два повстанца и три члена аль-Нусры (15). Кроме того, неизбирательное отношение к безоружным гражданским лицам характерно для военных действий аль-Нусры.

В целом военная техника противников режима оставалась плохой по сравнению с силами, с которыми им пришлось столкнуться. У них не было военно-воздушных сил, какие были у их врагов, и поэтому их руководство прибегло к силам НАТО, чтобы просить о зоне без полетов. (Конечно, США не заботились о требованиях противников режима, особенно когда в США поняли, что их нельзя контролировать). Не имея значительного вооружения, они сражались самодельными боеприпасами, такими как " адские пушки" (минометы из газовых бутылок),

которые оказались очень опасными для мирных жителей, поскольку им не доставало точности наведения.

В районах, где были изгнаны силы режима, социальные структуры государства уступили место самоорганизации местных координационных комитетов, которые распространились на все сферы общественной жизни. Типичным примером такого рода являются группы, которые бросались в разбомбленные районы, чтобы собирать и кормить раненых, вытаскивая их из-под завалов, где это необходимо. Эти группы спасали жизни, действуя в условиях полного разрушения, рискуя и теряя собственную жизнь, и, следовательно, они являются живым архивом революции, который заслуживает внимания всего мира. Несмотря на это, белые каски, которые являются продолжением и объединением этих групп под эгидой неправительственной организации, были оклеветаны из-за финансирования, которое они приняли от западных правительств, хотя некоторые предпочитают забывать про огромные суммы денег, которые были предоставлены ООН для режима Асада, предположительно для медицинского оборудования во время войны (16), а также из-за их очевидных связей с повстанческими группами, поскольку они дислоцировались и действовали в тех же районах.

Однако, к сожалению, социальная сфера сформировалась в суровых условиях, определяемых главным образом глубоко укоренившимися религиозными убеждениями различных арабских народов Сирии - убеждениями, которые набирали обороты, когда люди сталкивались со смертью, - поощрением сектантства режимом, а также влиянием монархий Персидского залива на Сопротивление через их материальную поддержку в виде вооружения. Все это привело к тому, что исламская риторика оказалась на переднем крае и, как и ожидалось, положение женщин вернулось к дореволюционному состоянию или даже к худшему. Чаще всего фундаменталистские группы, которые взяли на себя сопротивление, навязывали свои идеи. Вот почему мы видим такие примеры, как Алеппо, где население поддерживало сопротивление, а затем продолжало выступать против авторитаризма и варварства этих групп даже в условиях осады и непрерывных бомбардировок.

Помимо грязных политических игр, которые вела большая часть левых, религиозная риторика также сыграла определенную роль в политической изоляции противников режима со стороны всего мира. Этот факт имеет обратный эффект, поскольку на самом деле революция остается в руках этих сил, учитывая отсутствие солидарности. Скорее всего, ситуация была бы совершенно иной, если бы анархисты и левые бросились со всего мира - как это случилось в Рожаве - для укрепления здоровых сил сопротивления против исламистско-консервативных сил, которые стремились монополизировать борьбу против режима. И мы можем себе представить, что геноцид можно было бы предотвратить, если бы прекратилась убийственная апатия и изоляция от движений по всему миру, если бы начались сильные антивоенные акции, чтобы оказать давление на те силы, которые теперь без помех наносят авиаудары.

Рожавка: развитие социального эксперимента и война против ИГ

Кантоны Рожавы расширялись и в конечном итоге превратились в мощную политическую и военную силу. Операции там получили гласность из-за героического сопротивления в Кобани и получили поддержку со всего мира.

Вначале Рожавка находилась в трудном положении в войне против ИГ, и кантон Кобани был в опасности. Однако в результате стратегического альянса с ВВС США, которые вмешались, когда они думали, что YPG / J может стать их лучшим союзником в этой области в настоящее время,

они вынудили силы ИГ отступить, и YPG / J удалось продвинуть свои позиции. Важную роль в этом продвижении сыграли женские силы, которых бойцы ИГ боялись из-за религиозных суеверий.

По мере того как YPG / J набирали силу в борьбе против ИГ, такие народности, как Gejidi [видимо, язиды], испытавшие геноцид, были освобождены. Более того, курдские силы, возглавляемые PYD, применяли свою политическую и военную схему «чрезвычайной военной ситуации» в районах, находящихся под их оккупацией, где проживающие жители были преимущественно арабского происхождения. Части этих групп населения были очень подозрительны к курдской оккупации и эта подозрительность была взаимной. Поскольку PYD видела большую вероятность того, что люди из арабского населения вернутся к халифату и станут потенциальными террористами-смертниками, готовыми к нападениям изнутри в любое время, она считала их опасными и, таким образом, вынудила часть населения уйти.

Из-за всего этого и учитывая успех Рожавы, в т.ч. доверие, которое население питает к PYD, ее руководством, с точки зрения США, гораздо легче манипулировать, чем оппозицией. Практически все это создает условия для того, чтобы США направляли свою военную поддержку в первую очередь PYD и дислоцировали свои военно-воздушные силы на территории Рожавы (17). Конечно, этот альянс очень опасен, и его последствия будут видны в будущем. Представитель PYD уже выступил с заявлениями, восхваляющими американское государство, его демократическую структуру и его политику (18); заявления, которые очень опасны для эволюции курдской революции, поскольку, как представляется, необходимость избегать кровавых репрессий приводит к тому, что PYD ассимилируется. Несомненно, решения такого рода не принимаются самоорганизованными структурами, а иерархическими структурами партийной администрации. Кроме того, нет никаких сомнений в том, как новый орган будет относиться к тем, кто придерживается принципов самоорганизации, когда (если когда-либо) война закончится и наступит время принудительной интеграции в новую систему.

Вывод, который можно сделать на основе того, как империалистические силы вмешивались в этот регион, заключается в том, что они не являются союзниками определенной стороны. Вместо этого они действуют исходя из собственных целей, имея в виду свои собственные интересы, и они не стесняются менять союзников, чтобы избежать прямых столкновений, потому что они признают силу друг друга. Между тем, «побочный ущерб», вызванный воздушными атаками только в Сирии, достиг сотни тысяч жертв. Неудивительно, что «ошибки» подобного рода не влияют на вооруженные силы государства, которые сосуществуют там, чтобы убивать без помех, потому что они обмениваются информацией о положении своих войск (19), специально, чтобы предотвратить это [например, американские военные предупреждали российских военных о демонстративных ракетных ударах по базам армии Асада]. В то же время дипломаты в роскошных апартаментах ведут переговоры, обмениваясь любезными улыбками, как будто они играют в покер.

Связь YPG / J с режимом и его противниками

На предыдущем этапе часть противников режима проявила солидарность с Кобани и способствовала войне против ИГ в сельских районах. Их союз, к сожалению, длился недолго.

Это продолжалось недолго, потому что PYD решила, с одной стороны, не признавать сирийскую оппозицию (а вместо этого приравнять ее к ИГ), а с другой - заключить неофициальное мирное соглашение с режимом, чтобы избежать дальнейших столкновений. В свою очередь,

оппозиционные группы решили не признавать курдскую автономию (20). Выбор первого варианта уходит корнями в историю угнетения, когда курды страдали от арабов, в то время как второй вариант связан с интересами турецкого государства, которое обещало свою поддержку оппозиции.

Отказ от сотрудничества имел двойной эффект. Во-первых, оно привело к большому числу жертв и, во-вторых, это означало политическое и этическое расточительство и упущенную возможность уничтожить как режим, так и ИГ. Однако ССА не имела единой позиции в отношении YPG / J, и некоторые из ее бригад координировали свои операции с YPG / J в войне против ИГ (21). В конце концов, однако, произошли ожесточенные столкновения между YPG / J и антирежимными силами за контроль над определенными районами.

Типичным примером такой области является территория между кантонами Африн и Кобани. Занятие этой области было необходимо для того, чтобы курды достигли кантонов, особенно Африна, самого отдаленного в сравнении с остальными. Турция хотела предотвратить это, опасаясь требований курдов об автономии. Поскольку этот район был в основном населен арабами и служил в качестве маршрута поставок для сил противников режима, турецкое государство стремилось поддержать бригады ССА. Напротив, реакция России заключалась в том, чтобы заключить союз с YPG / J и использовать свои воздушные силы для бомбардировки деревень под контролем противников режима, чтобы YPG / J мог «освободить» их. Позже ситуация снова изменилась, и именно Турция бомбила те же деревни, чтобы на этот раз ССА могла «освободить» их.

Алеппо - еще один пример такой борьбы. В Алеппо антирежимные силы иногда сталкивались с YPG / J на границах их района. Выбор PYD оставаться нейтральными в войне против Асада и иногда поддерживать силы режима разгневал противников режима и побудил некоторые из его бригад вторгнуться в курдские районы, где YPG / J вынуждены были отступить. В конце концов, все это привело к трагедии. Хотя некоторые из противников режима изначально бросились объявлять о присоединении к ним YPG / J, в конце концов вспыхнули кровопролитные битвы. До недавнего времени YPG / J, контролируя курдский район в Алеппо, способствовал блокаде района, находящегося под контролем противников режима.

Совсем недавно (27/11/2017) противники режима понесли значительные потери после нападения, совершенного силами Асада, ВВС России, «Хезболла» и YPG. В частности, силы режима воспользовались тем, что территории, контролируемые противниками режима вплотную примыкают к району YPG и начали общее наступление. В результате YPG захватила территории у антирежимных сил. Эти районы больше не имеют общих границ, поскольку режим захватил еще большие площади между этими двумя силами.

Это то, что происходит, когда революции остаются в руках управленцев, которые объединяются с государственными вооруженными силами во имя победы добра над злом. В действительности они защищают свои государственно-экономические интересы.

Что касается трагической ситуации взаимоотношений между этими двумя фронтами борьбы, мы считаем, что это вызвано политикой недоверия к людям, которые восстают, и, вместо этого, просто озабочены захватом контроля и установлением власти везде, где обстоятельства позволяют. Таким образом, отсутствие солидарности и утилитарное использование сирийской революции руководством PYD, а также то, что руководство оппозиции решило не признавать, что курдская автономия привела к более глубокому разделению и, в конечном счете,

ожесточенной ненависти между курдскими и арабскими революционерами. Это приносит пользу только государственным силам, с которыми в конце концов придется столкнуться.

Важно отметить, что многие арабы сражаются на стороне YPG, а многие курды - на стороне противников режима. На низовом уровне есть конкретная и ярко выраженная солидарность. Были курдские голоса, требующие, чтобы YPG / J присоединилась к революции против режима, который жестоко их угнетал. Были и курдские партии, кроме PYD, которые принимали участие в комитетах Национальной коалиции, чтобы поднять вопрос о курдской автономии и были презираемы руководством «Братьев-мусульман», представлявшей интересы своих турецких союзников, - за альянсы с дьяволом, похоже, приходится дорого платить. Солидарность существовала и выражалась на низовом уровне, но отсутствовали горизонтальные структуры, которые могли бы ее закрепить.

Ситуация в ноябре 2016

На момент написания этой статьи Сирия в течение 5 лет находилась в гражданской войне с беспрестанной резней сирийского населения. Погибло более полумиллиона человек, причем большинство из них - в сражениях между сторонниками режима и оппозицией и при бомбардировках, которые осуществляли силы режима и их союзники, от которых погибло большинство жертв.

Этот факт подчеркивает ответственность сил НАТО, которые статистически нанесли больше всего авиаударов в регионе. Страшная резня, совершенная ими в Ираке, а также введенное эмбарго, вызвавшее миллион смертей от голода и болезней, проложило путь религиозному фундаментализму, который в настоящее время способствует разделению и увековечению геноцида в Сирии. Мы не должны забывать, что руководство халифата состоит из бывших генералов режима Саддама Хусейна, которых США первоначально поддерживали, но позже отстранили от власти.

Даже сейчас американские военно-воздушные силы отвечают за сотни или, может быть, тысячи погибших мирных жителей в Сирии, поскольку авиаудары в населенных районах не были узконаправленными. Стоит упомянуть, что люди в оккупированных ИГ городах, которые сейчас подвергаются бомбардировкам, имели мужество выступить против исламского халифата; они восстали, это восстание было потоплено в крови в 2011 году, но и сегодня они все еще остаются под притеснением (24).

Активные фронты между силами сторонников и противников режима

Ситуация в западной Сирии стала трагической. Во всех провинциях разбросаны активные фронты, в то время как города, такие как Алеппо или пригороды оккупированного противниками режима Дамаска, находятся на осадном положении [на данный момент эти пригороды Дамаска оккупированы проправительственными силами], причем миллион человек во всей Сирии страдает от голода и при этом страну безжалостно бомбят силы Асада и российские силы. На момент написания этой статьи, восточный Алеппо [на данный момент город уже взят проправительственными силами] подвергается безжалостным бомбардировкам со стороны России и сил Асада, а последняя самоорганизованная больница была уничтожена. Сотни людей умирают без помощи каждый день под обломками или из-за использования химического оружия (25), запрещенного международными договорами. После нескольких

месяцев осады больше нет еды и медикаментов, и население в 300 000 человек, которое остается в восточной части Сирии, голодает.

В этих условиях повстанцы ведут безнадежную войну против грозных сил и, несмотря на серьезный недостаток - отсутствие авиации - они демонстрируют уникальную силу. Эта война стоила жизни многим солдатам, повстанцам и гражданским лицам, которые живут в зонах военных действий, поскольку обе стороны используют разрушительное оружие.

Фронты в северной Сирии

В северной Сирии силы SDF (сирийские демократические силы, состоящие из и совместно управляемые YPG / J, туркменскими группами, арабами и некоторыми бригадами ССА) в сотрудничестве с американскими вооруженными силами вторглись в районы вокруг Ракки, которая была оккупирована ИГ [город, как уже взят силами SDF].

В то же время, оккупированный ИГ город Аль-Баб, расположенный дальше к северу от Алеппо и между кантонами Африн и Кобани, находится под угрозой со стороны союзных сил ССА и Турции. Все это время происходили столкновения между военной коалицией ССА-Турция и SDF за контроль над Аль-Бабом из-за его стратегического значения для обеих сторон [город уже взят протурецкими силами ССА]. В основном, они конкурируют за то, чтобы первыми взять под контроль город, который теперь контролируется слабым ИГ, осажденным в городах Мосул, Ракка и Аль Баб. На момент написания, в областях где Аль Баб граничит с кантонами Африн и Кобани, некоторые бригады ССА, поддерживаемые турецкими военно-воздушными силами, атакуют деревни, контролируемые YPG / J, чтобы предотвратить создание прохода между кантонами. Это столкновение привело к прекращению операций SDF в Ракке, чтобы они могли шантажировать международный альянс под руководством США, чтобы блокировать интересы Турции (24).

На фронтах между силами режима и ИГ

Несмотря на пропаганду со стороны некоторых левых сторонников асадско-российского альянса, в ноябре 2016 года у режима не было активных фронтов. Иногда происходили незначительные столкновения, но единственное серьезное событие произошло в Пальмире [внезапный захват города силами ИГ], которая имела большую символическую и экономическую ценность (контрабанда предметов старины). После ее вливания в те области, которые контролирует режим, все атаки против ИГ прекратились. Приоритетом режима является полное поражение противников.

3. АНАЛИЗ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ

Доминирующие державы делят область Ближнего Востока на зоны влияния за свой счет, игнорируя любые расовые, религиозные или культурные факторы, или то, как население расселяется в этом районе. Они схватили правителей и нарисовали новые линии для обозначения границ, не по этническим признакам, даже не по географическим особенностям, а только с учетом их прибыльности и сформировали условия для следующих массовых убийств.

В периоды экономической стабильности экономические и политические элиты этих стран управляют народом диктаторским путем и эксплуатируют природную среду в интересах стран-колониалистов и транснациональных корпораций. В то время как прибыль растет и деньги

добываются легко, разграбление и суровая эксплуатация продолжаются с неумеренным напряжением.

Поскольку беспощадная конкуренция - это сама природа капитализма, эксплуатация воспринимается как нечто само собой разумеющееся, позволяя как природным ресурсам, так и людям быть разгромленными и разграбленными. Когда происходят экономические кризисы, рынки сокращаются и, как следствие, территории перераспределяются для того чтобы установились новые экономические условия.

Во время этих перераспределений конкуренция между рыночными силами становится интенсивной и возникают конфликты. Поэтому, когда цифры и финансовые счета не выглядят хорошо, из-за экономического кризиса или сепаратизма этих государств или даже их интеграции в другие удобные союзы, они выбирают военные операции для обеспечения своих интересов.

Мы не собираемся предоставлять геополитический анализ, который рассматривает изолированно различные движения по мере того, как они возникают и формируют ход истории, перестраивают или отменяют планы государств. Экономический кризис был одной из причин так называемой арабской весны. Люди, живущие в этих районах, задыхались, и их удушье работало как взрывчатое вещество в арабском мире. Когда искра появилась в Тунисе, огонь распространился повсюду.

Важна именно эта сила, которая появляется со дна социальной пирамиды и заставляет государства перестраивать свои механизмы. Этот элемент состоит из нескольких сил, которые кажутся едиными, когда есть существенный стимул для людей выходить на улицы, отбрасывая ненависть и добиваясь больших успехов. Однако, когда политическая совесть, коллективная память и материальная подготовка отсутствуют, очень легко манипулировать бунтующими толпами.

Вот почему мы не собираемся впадать в ловушку идеализации этих сил. Мы знаем, что они несут характеристики мира, в котором они живут. Это люди, которые объединяются вокруг религиозных, расовых, экономических и политических сообществ, которые часто общаются друг с другом грязными способами. То, что произошло в Тунисе и Йемене, - это, пожалуй, самый простой способ остановить революцию. В принципе, учреждения остались без изменений, и требования повстанцев не были рассмотрены вообще. В целях социальной декомпрессии и рассеивания социальных волнений некоторые персоны у власти были заменены.

В этом ходе событий мы видели разделение упомянутых выше сил и их переход от войны против режима к войне между собой. Когда насильственные действия со стороны режима не ведут к интернализации потерь со стороны людей и, таким образом, не являются тем, что может обозначить линию разделения на войне, начинаются скрытые соглашения с влиятельными бизнесменами, которые дают свои указания для обеспечения того, чтобы любая борьба против режима демонтировалась, уничтожалась и в конце концов лишалась какого-либо значения. Случай ИГ является типичным, потому что ИГ служило инструментом для США, России и их агентов, чтобы бомбить и побеждать в целях снижения социальной напряженности в самих этих странах.

А когда разделения недостаточно, чтобы уничтожить революцию, тогда усиливается грубое давление. Вот что произошло в Бахрейне или в Ливии, где НАТО использовало предлог защиты человеческой жизни от кровавых сил Каддафи, чтобы вторгнуться. В результате 7 месяцев

организованных НАТО авиаударов число смертей было в десять раз больше, чем количество смертей в течение первого месяца революции (27).

Мы не должны забывать, что доминирующие державы - это не боги. Есть ситуация хаоса, с которой они пытаются справиться; эту ситуацию невозможно с легкостью контролировать, поскольку многие жаждущие власти структуры борются друг против друга, и каждая из них обладает особыми интересами. Действительно, ландшафт меняется, когда толпы смеют играть динамичную роль в истории и решают отменить их планы. В конце концов, роль великих держав во время хаотических ситуаций заключается в том, чтобы сохранить свое влияние и разрушать союзы исключительно ради своих интересов.

Геополитические интересы в начале революции

У США было несколько причин быть довольным отстранением или, по крайней мере, унижением семьи Асада. Позже мы тщательно проанализируем главную цель решения о том, чтобы институты сирийского государства остались в целом нетронутыми, лишь с небольшими корректировками. Конечно, если бы правительство Сирии враждебно относилось к России, то Россия определенно была бы лишена своего прямого доступа к Эгейскому морю, а именно ее военно-морских баз в Тартусе и Латакии.

Кроме того, чем больше земли Запад держит под контролем на Ближнем Востоке, тем больше коммерческих дорог он контролирует. Трубопроводы в районах этих стран очень важны для энергоснабжения Европы, и географическое положение Сирии, в частности, имеет решающее значение для геополитических и экономических планов западных капиталистов. Одной из целей Соединенных Штатов является энергетическая независимость Европы и, главным образом, Германии от России. Если бы удалось этого достигнуть, это привело бы к сильному снижению влияния России на европейские страны, а также ее общему экономическому ослаблению. В прошлом было уже несколько случаев, когда европейские государства были нерешительными или даже не желали поддерживать экономические санкции, которые США наложили на России именно из-за их энергетической зависимости. Таким образом, у России были все основания проводить военную интервенцию в Сирии, стремясь защитить свои интересы, как геополитические, так и экономические.

Помимо западных держав, есть и региональные. С одной стороны, Иран неоднократно и прямо заявил, что он безоговорочно поддерживает Асада, чтобы сохранить ценного союзника в этом районе. Сирия имеет жизненно важное значение для Ирана, поскольку она стремится поддерживать коридор к Ливану и Хизбалле. С другой стороны, Саудовская Аравия, несмотря на хорошие отношения с режимом Асада до революции (она была одним из крупнейших инвесторов в сирийскую экономику), признает, что устранение или ослабление Асада равносильно ослаблению его регионального противника, а именно шиитов Ирана. Кроме того, Саудовская Аравия сосредоточила свое внимание на финансировании и оснащении радикальных исламистских групп с целью изменения требований революции, вместо свободы, демократии и справедливости - к другим направлениям, поскольку борьба как таковая потрясла бы ее собственный хрупкий порядок. После того, как она взрастила эти группировки, ей пришлось с ними конкурировать, чтобы стать доминирующей силой суннитского населения. Стратегия поляризации, которой она придерживалась, казнив шиитского священнослужителя Нимра Аль-Нимра, противника режима, а также членов «Аль-Каиды», очевидно, предназначалась для усиления манипулятивной защиты.

Участие Турции больше связано с мнением Эрдогана относительно естественного расширения его границ. Получив контроль над северной Сирией и северным Ираком, он хотел стать главным торговым посредником между Ближним Востоком и Европой. Эта стратегия потерпела неудачу из-за курдского господства в северной Сирии, а также блокады турецких войск после операций против ИГ на севере Ирака. Так, в августе 2016 года Турция вторглась в Сирию, сражаясь зубами и когтями, чтобы предотвратить объединение курдских кантонов и уничтожить курдскую борьбу за автономию, поскольку было очевидно, что потенциальный успех как таковой может означать для юго-восточной части Турции [населенной курдами с доминированием Рабочей Партии Курдистана, головной группировки сирийской PYD]. Россия и Асад, казалось, терпели это вторжение, пока турецкие силы и сирийские бригады, находящиеся под их контролем, держались в стороне от Алеппо, который долгое время находился в осаде.

Несмотря на то, что США изначально приветствовали участие Турции в борьбе с ИГ, вскоре они продемонстрировали свое недовольство первыми нападениями Турции на курдскую милицию, которые были главными союзниками США против ИГ. Итак, после битвы за повторную оккупацию аль-Баба США отказались от поддержки со стороны международной коалиции под их руководством, заявив, что их интерес будет сосредоточен на поддержке курдов для повторной оккупации Ракки. У нас нет никаких сомнений в том, что США не скрывали своего мнения, что присутствие турецкой армии является постоянным пугалом для курдов, если последние решат выйти из-под влияния США.

Важное значение имеет также то, что Турция и Россия вновь сблизилась после периода нестабильных дипломатических отношений, вызванного сбитием российского военного самолета. Отмена перспективных торговых соглашений (28) (например, газопровод «Турецкий поток» - план, возродившийся из праха), а также санкции, которые они налагали друг на друга, оказали бы вредное воздействие на обе экономики и, таким образом, было решено, что ненависть никому не выгодна и долго она не продолжалась. Оторвавшись от Америки и от Европейского союза, Турция подлила масло в огонь, объявив, что намерена купить систему противовоздушной обороны из России. Жесткий гнет, которое правительство Турции усилило внутри страны, ее ослабленное влияние на соседние страны, намерение вновь ввести смертную казнь, провокационные заявления относительно Лозаннского договора и вопрос о Кипре, постоянное нарушение воздушного пространства Греции; все сплетается в опасный, непредсказуемый клубок.

Наконец, Асад - этот убийца, единственная цель которого - остаться у власти, утверждал, что революция против него была попыткой террористов свергнуть его. Израиль не мог быть более удовлетворен постоянным напряжением в этом регионе, поскольку это военное государство, которое занимало территорию своих соседей в течение последних 68 лет и принимало участие в шести войнах и все еще ведет непрекращающуюся войну против палестинцев. Когда вы окружены врагами, состояние постоянной войны приносит вам пользу, так как силы ваших врагов поглощены другими фронтами, и в результате силы, с которыми вы сталкиваетесь, ослаблены.

Призрак антиимпериализма

Жесткость нашего времени порождает разочарование, а оно, в свою очередь, порождает путаницу. Когда мы хотим решить проблемы путем накопления большей власти, чтобы больше вмешиваться, тогда мы всякий раз будем приходить к аморальности и оппортунизму, не

испытывая кризисов ценностей вообще. В конце концов, мы приходим к искусственной поляризации ради простоты, поскольку мы стремимся понять и интерпретировать такой сложный и хаотичный мир. Неизбежно мы окажемся в тупиках, мире фантазий и монстров, то есть в бессознательном состоянии.

Часть левых, которым еще предстоит отойти от сталинизма и государственнических взглядов, чувствовали себя обязанными выбрать один из властных блоков и оказать ему поддержку, и это создало политический парадокс. Они поддерживали массовые убийства режима Асада и его союзников (Россия, Иран, «Хезболла» и Китай), рассматривая их как форму сопротивления наступлению западного империализма. Здесь мы должны отметить, что существуют различные уровни паранойи. Некоторые голоса могут по-прежнему поддерживать «борьбу» Путина, признавая его спасителем от американского монстра, в то время как некоторые другие ограничивают себя некритической поддержкой таких групп сопротивления, как Хезболла и ХАМАС, изображая влиятельных игроков, которые окружают их как необходимое зло. Кроме того, мы должны добавить, что даже часть антиавторитариев, явно не способных распространять анархистские императивы самоорганизации, борьбы против власти и государства, усвоила их неудачу и намеревалась влиять на крупные социальные группы в течение периода кризиса и «объективных обстоятельств», прибегая к давно известным и исторически «испытанным» рецептам, отрицая ценности и идеологические границы и продвигая вышеупомянутый крайне противоречивый анализ.

Но почему логика «враг моего врага - мой друг» или «я должен выбрать меньшее из двух зол» на самом деле неправильна? Просто потому, что в любом случае они не понимают, что, если они не ассимилируются, то враг их врага будет враждебен к ним, а также, что меньшее зло имеет одну и только одну сознательную цель - с каждым днем расти и, кто знает, когда-нибудь одолеть доминирующее зло.

Верить, что «поражение» США и их союзников Россией на Ближнем Востоке принесет лучшее будущее угнетенным жителям этих районов, означает отождествлять ту борьбу, которую ведут люди, с интересами сил, подобных силам западного империализма. Единственная разница, по крайней мере на данный момент, заключается в том, что эти силы не являются доминирующими. Все эти силы играют определенную роль в капитализме и выступают за их собственные транснациональные корпорации. Они используют войну, пропаганду и угнетение в качестве средства принуждения. Мимолетного взгляда на их внутренние характеристики достаточно для того, чтобы увидеть олигархические клики, которые управляют, жестокое угнетение и эксплуатацию низших классов, отсутствие государства всеобщего благоденствия, медленную или быструю смерть, которую они несут людям.

Бывший Советский Союз утопил в крови множество восстаний, и в настоящее время Россия стала одним из важнейших торговых партнеров европейского империализма («Газпром» снабжает значительную часть [около трети] европейского рынка газом). Россия использовала свою военную машину в Чечне, Афганистане, Грузии, [Украине], а теперь и в Сирии. Россия согласовала военные действия с европейскими странами против ИГ и при этом приглашала США принять участие в «новой войне с терроризмом» в мае 2016 года, только чтобы получить обезоруживающий ответ от министра, что они атакуют только ИГ, а не Аль-Нусру или противников режима (29). Как мы анализируем ниже, Россия уже вела переговоры и достигла договоренности с США по Сирии. И это едва ли начало.

«Антиимпериалистическое» государство Ирана с его верховным религиозным лидером, прибывшим в 1979 году из своего изгнания в Париже (где он жил по туристической визе) после судебного преследования в Ираке, не отступит. Хомейни уничтожил борьбу рабочего класса за самоорганизацию и заложил основы для восстановления капиталистической экономики. Эта исламская демократия настолько демократична, что вся власть сосредоточена в руках религиозного лидера. Более того, руководящий совет, члены которого назначены, а не избраны - контролируют большинство других избранных должностных лиц, которые должны сначала получить одобрение совета, прежде чем принимать участие в выборах. Что касается социальной политики, все очень просто. Если вы диссидент, если вы сопротивляетесь, протестуете или бунтуете, тогда вас будут подавлять. Если вы будете продолжать, вам отрубят голову. В этом контексте коммунистов заключили в тюрьмы и казнили и, в конечном счете, они были политически истреблены, когда режим пришел к власти.

Мы считаем очень важным освежить память по поводу сотрудничества с теми, кто однажды стал заклятыми врагами.

Шиитское правительство Ирака, то есть марионетка США, выжило и продолжает выживать благодаря шиитским ополчениям, которые оснащены и финансируются Ираном. Кроме того, те же шиитские ополченцы сражались и продолжают вести борьбу с ИГ в Ираке (Фаллуджа, Мосул и др.), под защитой международной коалиции во главе с США (30). Империалисты наносят авиаудары, пока «антиимпериалисты» продвигаются по земле. И все это происходит потому, что теперь им нужно избавиться от религиозной мафии, которая когда-то служила их экономической политике и военным операциям. ИГ, после того, как они отвлекли народ во время восстания против нищеты и угнетения, продолжили торговую сделку с транснациональными корпорациями, распродавая ресурсы региона, и теперь, после того, как они стали автономными, это алиби для убийц каждой национальности. Когда дело касается торговли, сделка между США и Ираном, помимо геополитических обменов и новой тонкой настройки баланса сил, означает также передачу некоторого количества урана из Ирана в Россию, создание ядерного реактора и снятие некоторых экономических санкций, введенных в отношении Ирака Западом. Таким образом, современные каратели крестоносцев заключают торговые соглашения при каждой возможности со всеми могущественными неверными, которые готовы дать много евро или долларов. Иранское общество технологически развито и состоит из 80 миллионов человек. Во времена сжимающихся рынков легко понять, какие ведутся игры.

Несмотря на то, что обычно его забывают, мы не могли не упомянуть еще одного важного партнера «антиимпериалистической оси» - Китай. Китай обеспечил экономическую и военную поддержку режима Асада (с советниками и бойцами из Афганистана и соседних государств). Китай также является крупнейшим импортером сырья из стран Восточной Европы и крупнейшим экспортером продукции в эти страны. В конце концов, всем известно, что у него есть амбиции глобального экономического господства, и его стратегия в достижении этой цели не является воинственной, поскольку экономическая диктатура относительно бескровна и недорога, тоталитарна и, следовательно, очень эффективна. На самом деле государственный капитализм Китая - это как институт рабства который существовал в США, и который продолжает существовать через свои тюрьмы и систему уголовного правосудия. С другой стороны, Башар Асад называет себя «антиимпериалистом» на основании того, что он оказывает поддержку палестинскому и ливанскому народу в их борьбе с Израилем, а также на основании его традиционной ненависти к США. Хафез Асад был членом альянса под руководством США в первой войне против Ирака, и этот факт вызвал реакцию сирийских интеллектуалов, поскольку

Саддам был очень популярен в Сирии. После встреч с госсекретарем США Джеймсом Бейкером в Дамаске он согласился послать 100 000 солдат (31), хотя теоретически Сирия находилась под влиянием Советского Союза.

Более того, правительство Буша поздравило его с успехом в деле ограничения деятельности террористических групп, которые могут нанести ущерб американским интересам.

Этот пример помогает нам лучше понять специфические отношения правящих классов в государствах Ближнего Востока, Северной Африки и Персидского залива с империалистическими державами Востока и Запада. Аналитики придумали термин «закадычные враги». Когда есть некоторая или абсолютная идентификация интересов, происходит координация и улучшение отношений.

В противном случае отношения становятся кислыми, и набирает силу экономическая конкуренция, война на истощение или даже фактическая война. Поэтому, когда Горбачев отказался снабжать Сирию современным оружием и одновременно разрешил массовое переселение евреев Советского Союза в Израиль, Асад-отец, не колеблясь, обратился к своим нынешним врагам. Как обычно, хрупкие союзы определяются интересами, а не традицией или идеологией.

Аналогичным образом, следуя по стопам своего отца, Башар Асад сотрудничал с США в вопросах безопасности в «войне с терроризмом». В основном его вклад заключался в содержании и пытках в сирийских тюрьмах тех, кого ему передало ЦРУ, с целью выбивания информации, в которой ЦРУ нуждалось. Самый известный случай - это сириец Махер Апар, который жил в Канаде. После его ареста в аэропорту Нью-Йорка его допрашивали в течение 13 дней из-за подозрения в связях с «Аль-Каидой». Его отправили в Сирию, где его содержали и подвергали пыткам в течение 10 месяцев, чтобы он дал ответы на те же вопросы, которые ему задавали в США. Как только он был признан невиновным, он получил компенсацию в размере 10,5 млн. канадских долларов, а также официальные извинения от премьер-министра Канады, но США не делали официальных заявлений по его делу вообще. Конечно, он был не единственным. Более того, мы не могли пропустить заявление Хиллари Клинтон об «Асаде-реформаторе» в начале восстания, когда она подчеркнула, что эта точка зрения выражает не только ее мнение, но и мнение других членов Конгресса (33). Более того, в 2008 году президент Саркози пригласил Асада выступить с речью в Элизеуме, потому что он еще не стал «кроважатым диктатором», которым он является сегодня. Наконец, до начала революции в Сирии часть ресурсов страны оказалась на европейских рынках. Мы не можем быть настолько наивны, чтобы полагать, что Сирия продаст свою нефть России, Россия - Ирану и Иран - в Сирию на том основании, что торговля при капитализме происходит только между друзьями.

Давайте теперь рассмотрим отношения Сирии с Ливаном и Палестиной. Участие сирийского государства в гражданской войне в Ливане привело к оккупации Сирии, начавшейся в 1976 году и завершившейся в 2005 году после народного восстания после убийства бывшего премьер-министра Ливана. Главной целью Сирии было подавление мусульман-палестинцев и их союзников (пан-арабов и левых), чтобы защитить христианских фалангистов, которые практически официально находились у власти в Ливане. Таким образом, сирийская интервенция разгромила их и сыграла решающую роль в исчезновении коммунистов и левых ливанских организаций, такие как ЛРНФ, которые позже отказались сотрудничать с Сирией в сопротивлении Израилу (34). На этом этапе давайте не будем забывать, что Сирия тесно сотрудничала с США в 1989 году в рамках соглашения с арабскими государствами (35),

направленного на прекращение гражданской войны в Ливане. В частности, Сирия согласилась отправить 40 000 солдат в Ливан в долину Бекаа только для того, чтобы постепенно их вывести после того, как ливанские военные восстановили контроль. Второй пример, показывающий реальную природу отношений Сирии с палестинцами, - это кампания против короля Иордании (Хусейна), известная как "Черный сентябрь", когда Сирия покинула их в течение 5 дней, что привело к их капитуляции и угрозе их уничтожения (36). Об отношении режима Асада к палестинцам также можно судить по тому, как он отнесся к тем, кто жил на его территории. В начале революции он обвинял их в подстрекательстве и участии в восстании на стороне экстремистов, которые хотели свергнуть его. Затем он стал убивать палестинцев и сажать их в тюрьмы (37), при этом он заблокировал и осадил палестинский лагерь Ярмук (38). Наконец, палестинцев в Сирии, которые поддерживали Интифад или сирийскую революцию, стали разыскивать силы безопасности. Сам Асад официально заявил, что Сирия больше не имеет отношений с ХАМАС, учитывая, что ее лидер выразил поддержку «героическому народу и их законным требованиям к свободе, демократии и реформации» в 2012 году, признав события в Сирии как революцию, а не результат заговора (39).

Очевидно, что стратегия режима Асада заключалась в том, чтобы использовать палестинцев в качестве рычага против Израиля на переговорах по Голанским высотам, которые находились во владении Израиля с 1967 года. В результате этих переговоров сирийское государство стремилось достичь мирного соглашения; оно не использовало военные силы против Израиля с 1973 года, даже для того, чтобы ответить на атаки.

И наоборот, он бросал или убивал их. В любом случае, мы все отлично знаем, что все люди, о которых мы говорили выше, это настоящие мерзавцы. Вот почему мы намерены далее приблизиться к ядру «антиимпериалистической» оси.

«Хезболла» (то есть, Божья партия) была официально основана в 1985 году священнослужителями в Ливане с помощью Ирана, в качестве организации, которая будет выступать против Израиля. Его бойцов обучали «Революционные гвардии», которые прибыли в Ливан через Сирию. Она является религиозной организацией шиитов, и, как заявил ее представитель, для них вопрос принципа - следовать за Ираном (40). «Хезболла» сумела завоевать уважение в арабском мире из-за сражений, которые они вели против Израиля в 1985 и 2006 годах. Это государство в государстве Ливан (его армия больше официальной, не говоря уже о том, что она занимает определенное количество мест в парламенте), и помимо своих военных действий она также выполняла важные социальные задачи. По сравнению с другими джихадистскими группами она может считаться одной из самых прогрессивных, поскольку они демонстрируют большую терпимость к другим религиям; их заявления предполагают, что правительство Ливана должно быть исламским, но решение об этом должны принимать сами народы.

В одном из своих выступлений лидер Хизбаллы Насрала выразил поддержку первым восстаниям арабской весны, но не включил то, которое начало разворачиваться несколькими днями ранее в Сирии. Он критиковал религиозные секты и описывал требования народов как законные, при этом он отвергал сценарии «Западной весны», основанной на Западных ценностях, прибегая к теории заговора. Где-то в этот момент возникают противоречия. В 2011 году Хезболла поддержала свержение Салеха - йеменского диктатора, который считал восстание против него и других арабских диктаторов результатом действий США и Израиля. В конце концов, он отказался от своей позиции, чтобы получить амнистию, согласившись на то, что его

место займет вице-президент. Отметим на этом этапе, что он также участвовал в возглавляемом США альянсе за вторую «войну против терроризма». В 2015 году между правительством Йемена и организацией шиитских повстанцев Хатисо, которая хотела вернуть на трон Салеха, началась гражданская война. Интересно, что Иран и Хезболла поддерживали их, хотя в 2011 году «Хезболла» высказывалась за сдачу диктатора Салеха. (41).

Что касается Египта, то в 2013 году Хезболла приветствовала уход Морси (который был сторонником ХАМАС) из-за его отношений с Братьями-мусульманами и его поддержки сирийской революции. «Хезболла» позитивно оценила авторитарный режим Сиси, поскольку поддерживала режим Асада. Сиси наложил эмбарго и блокаду в Газе, он уничтожил туннели и закрыл пограничный проход Рафаха (42) (открывая его несколько раз за короткое время), в то же время он официально назвал ХАМАС террористической организацией (43). Он принял компрометирующую риторику, которая выглядела равноудаленной от израильтян и палестинцев, но на самом деле он поддерживал тех кто сильнее и ограничил свою поддержку преследуемых лицемерными благотворительными подачками. Хезболла никак на это не ответила.

Поэтому, несмотря на то, что Хезболла поддерживала восстания арабской весны (Йемен, Тунис, Египет, Бахрейн) как подлинные и справедливые, она сделала полный разворот в своей риторике, когда разразилась сирийская революция, как мы упоминали выше (44), Они стали утверждать, что события в Сирии были спровоцированы США и Израилем для свержения Асада, который является «краеугольным камнем сопротивления Израилю». В результате, начиная с 2012 года, Хезболла стала принимать военное участие в сирийской войне и координировать свои действия с сирийскими и российскими авиаударами, а также стала участвовать в блокадах и осадах, подобных осаде города Мантайя.

Основу пропаганды, которую руководство Хезболлы использовало для узаконивания ее участия в сирийской революции в качестве репрессивной силы против восставших, была борьба с суннитами-экстремистами и наемниками Запада. В частности, каждый боец, погибший в сражениях, в том числе против Израиля, считался исполнившим джихад. Это была попытка добавить вес своему сопротивлению и одновременно оправдать стратегию, которая, конечно же, не имела никакого отношения к сопротивлению, учитывая, что она проистекает из приказов лидеров Ирана. Следовательно, они превратились из организации сопротивления в шиитскую полувоенную армию. Даже их бывший лидер выразил глубокое несогласие с тем, что Хезболла «оказывает поддержку преступному режиму Асада, который убивает его собственный народ и никогда не сделал ни одного выстрела для защиты палестинцев» (46).

Не будем забывать, что, как только ХАМАС открыто поддержала сирийскую революцию, Асад прекратил с ними какие-либо отношения (47). ХАМАС перенесла свою штаб-квартиру из Дамаска в Доху, в Катар, страну, принадлежащую враждебной оси (48). Кроме того, в 2012 году отношения между Ираном и Хизбаллой ухудшились (сообщалось, что Хезболла попросила о высылке членов ХАМАС из Ливана, но и Хезболла и ХАМАС отрицали это), но в 2014 году, когда началась война в Газе, эти отношения были восстановлены. Однако с марта 2015 года их отношения снова нарушились, поскольку ХАМАС объявил о своей поддержке альянса под руководством Саудовской Аравии, который борется против повстанцев Хати в Йемене. Более того, ХАМАС не помог Хизбалле в войне против Израиля в 2006 году, в то время как Хезболла не помогла ХАМАСу в войне против Израиля в 2008-2009 годах. Кроме того, ХАМАС последовательно получает помощь от Турции и Катара, учитывая, что все три страны связаны с Братьями-мусульманами и принадлежат к силовому блоку, который борется с пресловутой

«осью сопротивления». Имеются официальные отчеты (хотя ХАМАС оспаривает этот факт), указывающие на то, что палестинцы из Сирии, Газы и бойцы ХАМАС сражаются на стороне исламистских суннитских групп и делятся с ними своим опытом в строительстве туннелей (49). В принципе, палестинцы, которые являются краеугольным камнем «оси сопротивления» против западного империализма, борются вместе с «исламистами-фашистами, которых вскормили на Западе, чтобы свергнуть Асада».

Последний пример - заявления Насраллы после захвата Мосула в 2014 году, что «Хезболла готова принести в жертву еще в пять раз больше мучеников в Ираке, чем Сирия, для защиты мечетей, поскольку иракские мечети важнее Сирийских» (50). Хезболла связана с шиитскими ополчениями Ирана, которые сражались против альянса под руководством США в Ираке, а его члены выполняли административные и координационные операции в битве против ИГ (51). В феврале 2015 года ее лидер признал их присутствие в Ираке и участие в боях.

Как мы понимаем, государства, конкурирующие на международной арене, следуют логике «враг моего врага - мой друг, а затем снова мой враг». Вот почему они принимают решения, которые могут называться «иррациональными», но на самом деле это совсем не так. Аналогичным образом работает организация сопротивления Хизбаллы; несмотря на то, что их прошлые бои вдохновляли главным образом арабский мир на войну против жестокого режима Израиля, США и их союзников в этом районе, с 2012 года они полностью следовали вышеуказанной логике. Тем не менее ради взвешенности подхода мы должны еще раз подчеркнуть сектантские конфликты в мусульманском мире, а также тонкую линию, которую мы проводим между низовыми бойцами и руководством организации. Мы не должны забывать, что примерно с VII века нашей эры до 1979 года мусульмане-шииты, помимо религиозной секты, также были самым жестоко угнетенным населением, которое преследовали все мусульманские режимы. Это изменилось после установления исламской демократии в Иране в 1979 году под руководством Хомейни (которого многие шииты считают 13-м имамом или, другими словами, избранным, который их спасет). Поэтому Иран представляет себя де-факто защитником всех угнетенных или не угнетенных шиитов Ближнего Востока.

Тут мы должны сказать, что религиозный конфликт усилился, особенно в последние 15 лет, и в основном из-за талибан Аль-Каиды в Ираке (под руководством Аль-Завахири), ИГ и других групп джихадистов с постоянными взрывами бомб в шиитских святых мечетях, которые оставляли после себя кровь и смерть. Вследствие этого, мы считаем вероятным, что некоторые из бойцов из рядов Хезболлы действуют не просто как наемники Асада, а мобилизовались на борьбу с исламскими группировками, которые убивают шиитов в Ираке. Это, однако, не оправдывает лидеров, чей геополитический выбор (то есть поддержка Асада, Салеха, Сиси и т. п.) означает стратегический переход от того, чтобы быть союзником палестинского сопротивления к тому, чтобы стать проводниками политики Ирана в регионе.

Мы считаем, что информации, приведенной выше, достаточно, чтобы убедить, что «ось сопротивления» (т. е. Иран, Асад, Хезболла) не нацелена на освобождение палестинцев и других жителей этого района. Альянсы «закадычных врагов», противоречия и несоответствия в их риторике и стратегии ясно показывают, что их планы основаны на эфемерном интересе, а не на наборе идеалов или идеологии. Они также являются явными признаками переплетенных интересов и сложной взаимозависимости между различными властями, а также доказательством пустоты аргументов их сторонников. История показала, что когда государства и группы с авторитарными структурами участвуют во влиятельных военных играх, они будут делать все

возможное, чтобы защитить свои интересы, которые отнюдь не совпадают с интересами народов. Чаще всего в таких иерархических и партийных организациях ценности и стимулы, базовые принципы и лидеры значительно различаются. Но если центральная администрация сумеет подчинить их себе, это приводит к сложным и враждебным ситуациям, которые мы описали.

Когда господство политической теории уступает свое место зависимости от транснациональных корпораций, когда люди позволяют кому-то управлять своей жизнью - посредством выборов или другой формы согласия - каким-нибудь «антисистемным» шарлатаном, таким как Сириза или Трамп, меньше всего нам нужно еще одно руководство, стремящееся навязать свою политическую повестку. Люди, которые называют себя бойцами или революционерами, в результате оказали поддержку кровавым, убийственным режимам. Их иррационализм заходит так далеко, что позволяет им признавать - и, следовательно, поддерживать - события в Египте в 2011 году, в Тунисе или Йемене в качестве революций на том основании, что они были направлены против дружественных США режимов, в то же время они осуждают революцию в Сирии, хотя она имеет аналогичные причины и требования; и это происходит только потому, что оно обращается против диктатора, который относится к той оси интересов, которую они поддерживают. Их действия обусловлены государственноческой логикой и геополитическим анализом, который не учитывают динамику социальных всплесков. Они становятся более автократичными, чтобы навязывать себя с помощью насилия или воображаемых смещений, способствуя расколам и новым репрессиям.

Наша позиция состоит в том, что для того, чтобы вести войну против государства и капитализма нужна вера в сообщество и самоорганизацию; вера в самих себя, чтобы разорвать зависимость от мира, структурированного в соответствии с потребностями лидеров; чтобы иметь возможность организовать наши автономные, горизонтальные и самодостаточные структуры здесь и сейчас; охранять их в политическом и военном отношении и готовиться к их распространению, когда для этого придет время.

Соглашение по Сирии

В конечном счете, что означает «поражение» США в Сирии? В принципе, это ничего не значит. Как мы уже упоминали, у американского государства много причин быть удовлетворенным свержением или даже ослаблением семьи Асада. Но это никоим образом не означает, что оно нацелено на отмену институтов государства. На самом деле, опыт Ирака, когда свержение Саддама привело почти к краху всех государственных структур, не повторится. Такие решения, как в Египте, Тунисе и Йемене, доказали свою более высокую эффективность. Вместо захвата государства, требующего военной оккупации, новая стратегия США заключается в том, чтобы сохранить основные структуры режима и, конечно же, его капиталистический и авторитарный характер, способствуя только поверхностным изменениям, таким как назначение людей, которые будут служить (или, по крайней мере, не будут противостоять) их интересам. Таким образом, в регионе обеспечиваются стабильность и порядок, равно как и неизменность рентабельности и безопасности Израиля и режимов Персидского залива. Разумеется, по причинам, которые мы собираемся проанализировать дальше, они не достигли этого в Сирии, и с очень ранней стадии вынуждены были капитулировать. Фактически, они достигли соглашения с российским государством о прекращении войны, политическом переходе и краткосрочном или среднесрочном пребывании Асада у власти.

Одной из причин, почему США капитулировали в отношении пребывания Асада в качестве главы переходного правительства, является военная и экономическая помощь, которую режим получил от российских и иранских государств. По прошествии определенного времени стало очевидно, что ситуация на территории Сирии, - в смысле кто что контролирует - не может радикально измениться. Ни одна из сторон не имела возможности захватить полный контроль над территорией и открыто противостоять всем другим сторонам. Несмотря на то, что есть такие случаи, как город Алеппо, где стороны могут осаждать друг друга и достигнуть военных успехов, территории, контролируемые режимом и оппозицией, по-прежнему остаются относительно стабильными. Кроме того, даже если мы предположим, что одна сторона действительно может иметь военную силу, чтобы победить другую, она столкнется с задачей обеспечения контроля над оккупированными территориями и, как кажется, ни одна из сторон не имеет армии для выполнения такой рискованной миссии. Поэтому военное решение для сирийского вопроса на самом деле невозможно и все завязано на политику.

Второй причиной являются другие фронты, на которых сосредоточено американское государство, и считает их очень важным. Соглашения ТТИР / ТТР [Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнёрство], новое расширение американского капитализма в Латинской Америке, конкуренция с Китаем в транзите в Тихом океане (товары стоимостью в миллионы долларов переходят там ежедневно) являются одними из них. Кроме того, большое количество беженцев, выезжающих из военных зон в европейские страны, превратило Сирию в императив. Так называемый кризис беженцев в сочетании с нападениями ИГ в европейских странах заставил США и ЕС отказаться от удаления Асада в целях борьбы с ИГ, и многие из них пришли к идее о союзе с Асадом для достижения этой цели.

Наконец, события, произошедшие после сирийской революции, стали зловещим примером того, к чему могут привести другие потенциальные народные волнения (даже для населения обездоленной южной Европы). Поскольку за революцией последовало почти шесть лет тоталитарной войны, очевидно, что первоначальные требования сирийского населения в основном уступили место извечной ненависти к мяснику Асада. В двух словах, все внешние силы, вовлеченные в сирийскую войну, достигли своей общей цели. Никто больше не говорит о революции, поскольку зоны интересов разделены. Остается только соблюдение мирного соглашения и переход от рентабельности войны к рентабельности стабильности.

Тот факт, что есть причины, указывающие на то, что США согласились с Россией в будущем Асада, не обязательно доказывает, что это действительно так. Тем не менее существует ряд событий, подтверждающих этот вывод.

Вооружение, которое американское государство предоставляло группам ССФ, было скудным и отнюдь не тяжелым (например, повстанцы не получали зенитные комплексы) (4). Причиной этого, скорее всего, было то, что руководители ССФ не имели абсолютного контроля над своими бригадами, и в результате США не считали их надежными (52). В новом плане Обамы, который был одобрен Американским конгрессом, было выделено пять миллионов долларов на вооружение и подготовку отдельных сил оппозиции со следующими целями: защита сирийского населения и союзников США от террористов ИГ, охрана территорий, контролируемых сирийской оппозицией от террористических угроз, создания условий для переговоров, которые позволили бы положить конец столкновениям. Этот план, однако, полностью провалился.

Что касается переговоров в Женеве, то в предварительном проекте соглашения по Сирии летом 2012 года было четко указано, что Асаду будет разрешено остаться у власти в рамках

переходного правительства, если, конечно, оппозиция согласится. Это соглашение было подписано всеми пятью постоянными членами Совета Безопасности ООН (США, Россия, Китай, Великобритания и Франция). Делегация оппозиции (которая, безусловно, не может представлять всех сирийцев) хотела прекратить войну, поскольку их устраивали собственные перспективы в послевоенной Сирии. Но они не видели смысла в подписании соглашения, обеспечивающих краткосрочное или долгосрочное пребывание Асада у власти; они были бы попросту неспособны обеспечить его соблюдение в обход людей, интересы которых они якобы представляли.

Оппозиция время от времени подвергалась сильному давлению со стороны госсекретаря США Джона Керри. Он часто угрожал, что США откажутся от поддержки, если они не будут приводить в действие соглашение на территориях, которые они формально контролировали. Керри также отказался удовлетворить свои требования о прекращении российских и сирийских авиаударов до начала переговоров, заявив, что такое положение не является обязательным условием и что отставка Асада не является предпосылкой каких-либо соглашений (54). В декабре 2015 года, после встречи с Путиным, Керри заявил, что США и их союзники не стремятся к смене режима в Сирии. Он также заявил, что дискуссии с Россией не касаются того, что будет или не будет с Асадом в ближайшем будущем. Скорее, они обсуждали вопрос о том, как будет достигнут мир в Сирии, чтобы сирийцы смогли принять решение о своем будущем без принуждения выбирать между диктатором и террористами. Таким образом, требование сирийской оппозиции о немедленном удалении Асада, очевидно, не было в повестке переговоров. Наконец, на конференции в феврале 2016 года, когда два члена гуманитарной помощи призвали Керри принять меры к прекращению войны, он неофициально ответил: они должны обвинять сирийскую оппозицию, а не его, и что они должны терпеть три месяца разрушительных авиаударов (55). Аналогичным образом, в декабре 2015 года французский министр иностранных дел заявил, что он никогда не стремился к удалению Асада до политического переходного процесса, и что сирийские силы (режим Асада и ССФ) должны объединиться против ИГ, что как вариант предусматривал и Керри. Меркель заявила, что борьба с ИГ означала обсуждение со многими сторонами, в том числе с Асадом, в то время как Кэмерон также заявил, что нельзя исключать возможность участия Асада в дальнейшей политической жизни Сирии.

В какой-то момент интерес ЕС и США переключился с Асада на военное поражение ИГ как основного врага и международного фактора дестабилизации. Франция и Россия совместно проводили военно-воздушные операции в новой «войне с терроризмом», а США сосредоточили свое внимание на расширении прав и возможностей курдов, а именно на своем основном союзнике в борьбе с ИГ на местах.

Как представляется, по крайней мере на данный момент - хотя это событие официально связано с нарушениями воздушного пространства, Турция сбива российский военный самолет, потому что нападение, начатое российской авиацией, нацелено на северо-западные границы Турции и Сирии, которые контролируются антиправительственными силами (в основном туркоманами), а значит, Турцией и, в дополнение, НАТО. Неудивительно, что Запад обратил внимание на другие российские смертоносные авианалеты с простым заявлением об их осуждении, поскольку целевые районы контролировались не-союзными им повстанцами. Не было существенной реакции на грязную работу, проделанной Россией и Турцией в Сирии, потому что государства Запада интересовало давление на оппозицию в соглашение с Асадом, - которое позволило бы Асаду остаться у власти - и хорошо понимали, что атаки на сопротивляющихся

могут служить их цели. В то же время реакции внутри России и Ирана практически отсутствуют.

Другим инцидентом, свидетельствующим об этой ситуации, является заявление министра обороны США в апреле 2016 года, в котором утверждается, что Al-Nusra (фундаменталисты-салафиты, связанные с Аль-Каидой) доминирует в Алеппо. Сразу после этого Россия и режим воспользовались этим заявлением, чтобы бомбить Алеппо, хотя они и договорились о прекращении военных действий. Al Nusra и ИГ были исключены из этого соглашения. Под давлением министр обороны США публично опроверг свое необоснованное заявление (56).

Все вышесказанное приводит нас к одному выводу. Ложь, которая стала общим нарративом на Западе, что война в Сирии продолжается из-за того, что США пытаются свергнуть Асада, в то время как Россия пытается удержать его у власти, кажется настолько правдоподобной, потому что она завуалирована правдой, порожденной антагонизмом между различными силовыми блоками. Однако, сейчас мы говорим не о небольшой белой лжи, а скорее о попытке скрыть преднамеренный саботаж революции против диктатора с требованиями свободы, справедливости и равенства.

Замысел разрушить изначальный смысл сирийского восстания успешно осуществлен под эгидой лидеров демократических / светских и фундаменталистских / джихадистов, которые совместно убивают повстанцев; эти массовые убийства в Сирии - с воздуха и на земле - совершаются США, Россией, Европой и Ираном. Убив более полумиллиона человек и вынудив миллионы людей бежать, они продолжали вести переговоры об их акциях внутри роскошных гостиничных номеров и все еще пытаются покончить с любым сопротивлением против Асада, чтобы навязать свои условия. Поэтому мы призываем всех к размышлению о том, заслуживают ли люди, которых с будничной регулярностью убивают в Сирии, нашей поддержки и решить, стоит ли принимать меры, чтобы положить конец этому геноциду.

4. Военная экономика

Несмотря на то, мы проанализировали различные аспекты геополитического противостояния, а также взаимозависимости капиталистических сил, более прямой способ понять эти очень специфические и сложные отношения, - возможно, проанализировать ту черту, которая безусловно объединяет любые власти. Жажда денег и все, что с ними связано.

Было упомянуто, что война является продолжением политики другими способами. Таким образом, исторически возникло соперничество среди капиталистических блоков власти, которые достигли стадии прямых и тотальных военных столкновений (то есть Мировые Войны), потому что доли богатств были недостаточны для всех участников. Результатом этих войн явилось появление победителей в качестве гегемонистской власти - при этом некоторые выигравшие державы являются более гегемонистскими, чем другие, - и уничтожение побежденных, чье восстановление всегда было прибыльным делом.

Но в наше время экономический менеджмент (то есть экономика долгов, финансовых институтов и товаров, коммерциализация всех возможных аспектов нашей повседневной жизни, безжалостная и все возрастающая эксплуатация и обнищание и, конечно же, авторитарные режимы для обеспечения всего вышеизложенного) по крайней мере в настоящее время отложил войну как таковую. Цель первоначального участия великих держав в революции в Сирии заключалась не только в том, чтобы сокрушить борьбу (будь то в военном отношении или путем

смазывания ее смысла), но и навязать серию переговоров для выработки соглашения, которое могло бы изменить баланс сил: политических, экономических и военных. Вместо прямого военного столкновения между доминирующими державами, был создан театр военных действий, где каждый может показать свои зубы. Для всех вовлеченных (международных, региональных и местных игроков) эти переговоры / войны являются инструментом получения прибыли. Они разрабатывают «военную экономику», и каждый может извлечь выгоду из этого, учитывая, что «проигрыш» равен получению немного меньше.

Сирия в настоящее время разделена на районы, находящиеся под контролем разных сил. Есть части, контролируемые режимом, другие - ССФ, другие - исламистскими оппозиционными группами, другие — курдами, и другие - ИГ. В каждой области проживает население, которое производит капитал, который попадает в руки «руководства». Здесь мы должны отметить, что ценности и цели каждой власти определяют способы экспорта и перенаправления накопленного капитала. Следовательно, можно увидеть фундаментальные различия в процедуре экспорта и использования капитала разных сторон. Здесь, однако, мы только рассмотрим способы накопления капитала.

Итак, в Сирии, помимо налогов, налагаемых на людей, проживающих в той или иной военной зоне, формальная экономика дополняется черным рынком. Процветает торговля и контрабанда, главным образом основных товаров (продовольствие и медицинское оборудование), оружия и бензина, а также людей. Как всегда, стоимость в основном определяется простым законом спроса и предложения. Таким образом, необходимая пища для выживания людей переоценивается из-за нехватки предложения в сочетании с большим спросом, в то время как необходимое оружие для уничтожения людей становится дешевле и дешевле. Парадокс, как может показаться, и в то же время это именно так.

Однако, ни одна из этих территорий не является самодостаточной. Чтобы покрыть его потребности (в т.ч. особые потребности войны), необходим импорт. Таким образом, налоги с торгов в пределах Сирии являются еще одним источником прибыли для контролируемых сил. Для того чтобы такая своеобразная внутренняя торговля была возможной, необходимо соблюдение некоторых условий, таких как соглашения между противоборствующими сторонами. В качестве примера мы упомянем некоторые из этих условий: стандартный обменный курс сирийского фунта и доллара на всей территории Сирии, наличие обменных пунктов, которые пользуются некоторой безопасностью в разных областях, независимо от того, кто их контролирует, центральный банк в Дамаске, который печатает деньги, безопасные торговые маршруты, которые признаются нейтральными любой стороной, даже между такими заклятыми врагами, как режим Асада и Аль Нусра [сейчас Тахрир-ах-Шам]. (57)

Затем мы видим, как разворачивается другой парадокс. Возможно, две стороны конфликта не согласны с тем, как они сосуществуют, и поэтому они убивают друг друга, но при необходимости они соглашаются, чтобы обеспечить денежные потоки после их накопления и т.д. и т.п. Парадокс, как может показаться, и в то же время это именно так.

На глобально-региональном уровне торговля работает почти так же. Существование войн означает торговлю оружием и телекоммуникационными системами между режимами. Например, экспорт военной продукции Германии (в основном в страны Ближнего Востока и Северной Африки) в первой половине 2015 года составил 6,35 млрд. евро, что почти соответствует общей стоимости продаж на весь 2014 год (58). Кроме того, цена системы оружия, которое оказалось достаточно смертоносным в реальных условиях войны, стремительно растет, поскольку ее

эффективность считается проверенной. Чем больше оно убивают, тем оно точнее. В отличие от автомобилей, бомбы должны доказать свою летальность в «тест-драйвах», прежде чем они будут продаваться хорошо.

Более того, как в условиях стабильности, так и в условиях войны, наибольшее количество природных ресурсов этих районов (бензин, природный газ и т.д.) продаются тем же международным корпорациям, независимо от интересов, которые они послужат в будущем (например, американским, российским, европейским или китайским). Однако есть небольшая разница. Во времена войны цены в 10 раз ниже, потому что официальная торговля вытесняется контрабандой. Например, кукловоды и лидеры ИГ продавали бензин, добытый в контролируемых ими районах (и передавали его по суше через Турцию или по иракским трубопроводам по соглашению с суннитскими буржуазными классами, что даже затрагивает круги, связанные с официальной оппозицией), гораздо по более низким ценам, чем те, которые существовали во времена стабильности.

В целом, война в Сирии представляет собой всеобъемлющее уничтожение капитала. Сверхнакопления снижает спрос, и, конечно же, международные корпорации, представленные на обездоленных территориях, возьмут на себя реконструкцию. Что касается человеческих ресурсов, эволюция капитализма имеет неизбежный результат, который заключается в растущем обнищании постоянно увеличивающихся популяций. Итак, когда средний класс пролетариатизирован, пролетариаты излишни. Поэтому их нужно либо убить, либо превратить в дешевую рабочую силу, работающую в условиях современного рабства или стать обитателями концентрационных лагерей и тюрем.

Другой - еще более дистопический - сценарий подмечает влияние человеческой близорукости в западных странах. Захваченные в своем собственном микромире, западные общества показывают ужасное равнодушие к беспощадности массовых убийств, а также пренебрежительным забыванием о истощении ресурсов планеты или разрушении целых экосистем. В конце концов, они кажутся удивительно спокойными к идее доминирующей технократической догмы, которая пропагандирует необходимость резкого снижения мирового населения. По сути, потребность системы в постоянно растущих показателях прибыльности поддерживает порочный круг перепроизводства и чрезмерного потребления. Никто, по крайней мере пока, не может предсказать будущее, но если нам не удастся уничтожить существующие социально-политические и экономические структуры, скорее всего, наши социумы окрасятся в кроваво-пепельные цвета.

5. Выводы

Наш компас в социальной революции

Такие сложные события как революция в Сирии определяются огромным множеством факторов. Причины и, в первую очередь, конкурирующие интересы, выявленные в ходе революции, являются факторами, которые должны быть приняты во внимание во время анализа. Однако, главный акцент, скажем, исторического анализа будет сильно отличаться от акцентов политического или экономического анализов. В этом отношении, геополитический анализ, который широко пользуется статистическими выкладками и интерпретациями, может выявить иные аспекты предмета, чем социально-политический анализ, который призван служить революционной точке зрения, основанной на классовом или анархистском подходе. Это

уточнение имеет решающее значение, потому что позволяет довольно легко утверждать выводы, исходящие из геополитики, и, следовательно, расходится с нашей главной задачей как анархистов, т. е. с социальным аспектом конфликта.

На самом деле очень легко непреднамеренно сбиться с ключевой темы в такой сложной ситуации как в Сирии; особенно если принимать стороны каких-либо государств или иметь смазанную картинку кто с кем в союзе. Например, симпатизировать режиму Асада и российскому государству; такая позиция обосновывается ярким антиамериканизмом. С другой стороны, мы видим симпатии к американскому государству благодаря их союзу с YPG. Также, следуя логике «враг моего врага мой друг», симпатии к российскому, американскому и европейским государствам могут появляться легко и непринужденно только потому, что они сражаются с исламофашистами ИГ и даже поддерживают курдов как нацию, видя в ней внутренний дестабилизирующий фактор и угрозу для фашиствующего турецкого государства. Следуя этой бессмысленной логике, почему бы кому-нибудь не симпатизировать турецкому государству, потому что оно выражает прямо противоположные капиталистические интересы греческому государству, которое является нашим внутренним врагом? Как четко видно из вышесказанного, мы не можем позволить этому демону ворваться в пределы нашего разума.

Наша поддержка борьбы — умеренная или пылкая — зависит от того, соответствует ли она нашим классовым интересам и анархистским подходам к общественному устройству. Люди с низов всегда должны поддерживаться в прогрессивной революционной перспективе. В конце концов, то базовое понятие международной солидарности. С этой политической точки зрения поддержка любого государства — большого или малого, западного или восточного, менее или более империалистического — совсем не вариант. Анархистским компасом есть низовая солидарность, и заявляемые ценности и устремления не могут быть иными, чем горизонтальное общественное устройство, коммунизм и гармоническое сосуществование с окружающей средой. Наши интересы не могут совпадать с интересами капиталистов; они попросту не могут отказаться — явно или косвенно — от процветания элит, начальников и самой государственности; несмотря на то, что в ходе столкновений союзы могут заключаться и между враждующими сторонами банально в целях физического выживания. Но когда физическое существование становится несовместимым с выживанием политическим, тогда цель утрачивается и борьба за свободу легко трансформируется в проводник власти.

Как правило, ничто не статично в таких динамичных ситуациях как народное восстание; каждый отдельный момент формирует и определяет степень революционно-освободительного духа в борьбе. Наша критика и солидарность с этой борьбой должны идти в одном направлении. Когда мы узнаем о массовой бойне населения в Сирии, наш единственный выбор — сражаться против государственного терроризма. Когда мы слышим революционные голоса, бросающие вызов консервативным антирежимным силам и прорежимным наемникам, мы должны поддержать эти голоса. Когда мы слышим о попытках налаживания горизонтальной структуры, социализации и антифашистской борьбы, наш единственный выбор — бороться на их стороне. Если наша немедленная цель когда-либо окажется синхронизирована с интересами государств и капиталистов, тогда это должно восприниматься исключительно с тактической точки зрения, не вводя себя в заблуждение мутными идеологическими наворотами. Вещи становятся предельно ясными, понимая, что наша борьба в принципе не может быть согласована с авторитариями (буржуазными или социалистическими/коммунистическими), капиталистическими интересами (государственными или частными), особенно в долгосрочной перспективе.

Эволюция сирийского восстания снова возвращает нас к некоторым фундаментальным реальностям. Жители городов и сел Сирии придавали новый смысл своей повседневной жизни посредством самоорганизации и солидарности. Там, где государственные структуры рухнули, появились местные координационные комитеты для обеспечения основных потребностей, таких как питание, медицинское обслуживание, альтернативные информационные сети, водоснабжение и электричество, и иные необходимые вещи. То, чего не хватило и что оказалось критическим для будущего революции, так это самоорганизация обороны. Отсутствие опыта подпольной борьбы превратило повстанцев в легкую добычу для армии Асада и наемников. Появившиеся вооруженные группы - фундаменталисты или бригады, отколовшихся от правительственной армии, - стали пристанищем для повстанцев. Это банальный закон выживания. Когда все стороны атакуют вас, вы будете доверять первому, кто предложит вам даже самую слабую надежду на спасение. Далее следует политическое поглощение.

Снова и снова история учит нас - и те люди, которые присутствовали в сирийской революции, подтверждают это, - что, нравится нам или нет, те, кто носит оружие, являются теми, кто формирует политическую повестку. И это справедливо не только с точки зрения грубой силы власти и установления контроля; в глазах людей это также утверждает позиции тех индивидов и групп, которые на кон ставят свои собственные жизни. Исходя из этого, они получают этическое преимущество перед теми, кто не рискует так сильно, в силу ли своего положения, или слабости, или случайности. Кроме того, учитывая реальность в Греции, известность греческого революционного движения проистекает из этого самого факта. Движение закалялось в горниле преследований, угнетений и казней революционеров, и плата была так высока, что никакая небоевая политическая группа не может идти ни в какое сравнение, независимо от того, насколько революционной может быть ее риторика. Независимо от каких-либо этических или материальных преимуществ, правда заключается в том, что «[...] власть исходит от поднятых кулаков, а не от добрых лиц. Это пушечные стволы, из которых исходит сила, а не рты. Товарищи, это было известно и остается реальным [...]».

Итак, если мы действительно хотим надеяться на то, что наши революционные начинания выстояли, мы должны иметь вооруженную силу для их защиты. Развитие нашей самоорганизующейся инфраструктуры должна идти рука об руку с расширением возможностей наших вооруженных групп. Самоорганизация - это не только анархистский революционный императив, но также и человеческая реакция на разрушение стабильности. Для нас, анархистов, это означает то, что мы должны защищать повстанцев, которые строят новые социальные ячейки революционным способом, и, более того, вдохновлять людей на отстаивание своих достижений посредством обезвреживания сил репрессий. История демонстрировала бесчисленное количество раз, что ни один режим не поддается мольбам; скорее, только сила способна оспаривать другую силу на равных условиях.

На эту тему мы можем обратиться к поучительному примеру начальных достижений в курдских регионах. В отличие от остальной Сирии, развитие самоорганизации включало параллельную организацию вооруженной силы, способной защищать территорию. В этом случае первостепенную роль сыграл тридцатилетний опыт курдских повстанцев как в формировании нелегальных политических структур, так и в проведении партизанской войны против турецкого государства. Эффективность сил YPG / J заставила США, а затем и Россию изменить свою позицию. Героическая и успешная борьба против ИГ в Кобани в 2014 году сделала курдские либертарные достижения известными всему миру. Даже если структуры, защищавшие социальные достижения в Западном Курдистане, возможно не были самоорганизованы или

горизонтальны, тем не менее они оказались жизненно важными и определяющими для выживания этих достижений.

Другим важным вкладом в этот результат явилось международное движение солидарности. После восстания в курдских кантонах появились первые сообщения о самоорганизации социальной и экономической жизни, которая побуждала многих анархистов, либертариев и коммунистических революционеров из западных стран присоединиться к борьбе за оборону революции. Напротив, остальная Сирия стала свидетелем быстрого распространения централистских идей - религиозных или светских - и это помешало революционерам мира увидеть восстание сирийцев как часть более широкой международной либертарной борьбы, несмотря на горизонтальные черты локальных самоорганизаций (на самом деле эти черты до сих пор существуют до определенной степени, особенно в ужасающих условиях раздираемых войной районов, таких как Алеппо, где Асад и Россия совместно совершили беспрецедентные зверства). В самой природе централистских структур (государств, организаций, политических партий и т.д.), независимо от того, какой ярлык или название они имеют (демократические, коммунистические, национальные, исламистские, гражданские и т.п.), пытаться подчинить и заглушить любые горизонтальные и анти-иерархические структуры. Именно по этой причине крайне важно получать информацию не только о декларациях, но и о применяемых практиках.

Категорический отказ от восставших масс в Сирии как от фундаменталистов или западных марионеток означает, что наши идеологические догмы навязывают узкое видение ситуации, которая на самом деле находится не так далеко от наших целей. Отвергая низовые местные комитеты, сформированные в Сирии, только потому, что они не называют себя анархистами (да и должны ли они?) означает, что мы предаем живую революционную историю забвению. Эти мятежники, судьба которых связана с судьбой всех повстанцев истории, могут быть нами. Возможно не все восстания имеют те же либертарные черты, которые мы, как анархисты, считаем освобождающими. Например, во всех восстаниях «арабской весны», в том числе в Сирии, наиболее громкие протесты следовали за рутинной пятничных молитв в мечетях; и так все эти годы делали люди в Палестине. Там собирались люди, и именно там они выразили свое несогласие с режимом. Именно там они уверовали в свою силу и потребовали их достоинства. В этот момент они радикализуются и заявляют, что не хотят больше игнорировать еще одно кровопролитие, совершенное силами безопасности.

Если мы представим себя в любом восстании или революционном процессе прошлого, мы поймем, что в таких условиях всегда присутствует широкий спектр взглядов, позиций и убеждений. Давайте рассмотрим ситуацию, сложившуюся в греческих реалиях. Несмотря на отсутствие острых религиозных или расовых различий, вполне возможно, что поляризация может привести к краху существующих структур, что, в свою очередь, может быть результатом вмешательства различных международных и региональных сил, что приведет к оппортунистическим альянсам, обусловленным выбором или необходимостью перед надвигающимся хаосом.

Декабрь 2008 года возможно станет нашей эмпирической точкой отсчета, поскольку с тех пор началось умеренное народное восстание, как с точки зрения как социальных групп, которые она мобилизовала на улицы, так и уровня насилия, используемого обеими сторонами. Однако, коммуникации между повстанцами были особенно затруднительными, и разрушение социальной жизни в городах стало характерным. Что следует понять, так это то, что в широко распространенном восстании, когда размеры, пропорции и сложности ситуаций резко

возрастают, те, кто завоевывают доверие людей в основе своей являются теми, кто может гарантировать относительную безопасность. Другими словами, это те, кто будет обладать как решимостью, так и способностью для поиска и использования оружия для защиты своих структур и нападения на силы безопасности режима, врага номер один всех восстаний.

Что-то еще нам, как анархистам и революционерам, нужно иметь в виду, так это то, что интервенции доминирующих силовых блоков не ограничивается только форматом региональных межгосударственных войн, но также имеют место и при возникновении любых спонтанных беспорядков, которые идут вразрез с властями и их учреждения. Каждое подобное восстание, которое стремится к революционным переменам, будет противодействовать и силовым блокам, которые имеют общие интересы с режимом. Возможно, другие силовые блоки будут поддерживать повстанцев в попытке манипулировать ими и контролировать их. Различные марионеточные и авторитарные формирования будут стремиться вмешиваться, чтобы продвигать свой комплекс интересов и, в конечном счете, претендовать на то, чтобы играть ведущую роль после. В таком процессе мы, возможно, должны будем заключать союзнические отношения с силами, которые мы не принимаем, или, что еще хуже, которые мы обычно критикуем или выступаем против. Во всех войнах, будь то революционные или иные, альянсы вытекают не из идей, а, скорее, из оценок военной целесообразности. Типичным примером является пример испанских анархистов, которые объединились с правительством, которое их преследовало; или ELAS - Греческая народно-освободительная армия, которые получали деньги, информацию и офицеры из английского государства, чтобы стать более эффективными в партизанской войне против оккупационных сил. В случае с Сирией, соответственно, мы видим, как PYD объединяется с США и Россией. История изобилует договорами с дьяволом, но, в конце концов, за них приходится платить.

Современные реалии Сирии, в сочетании с распространением восстаний в Северной Африке и на Ближнем Востоке, в целом представляют собой живой архив опыта и выводов. Важно выйти за рамки мейнстримового и статистического анализа, и проследить корни социальной динамики, породившей сирийское восстание. Греческое и глобальное революционное движение предстанет перед новыми фактами, многие из которых будут вытекать из происходящего в Сирии прямо сейчас. Официальные статистические данные говорят о том, что 4 000 000 человек уже выброшены из своих районов только в одной Сирии, что означает почти пятую часть населения страны до войны.

Это огромное количество беженцев изменило отношения между ЕС и Турцией к худшему и усилило тенденции к разделению в ЕС. Дерзкое выражение фашистской риторики со стороны широких слоев общества в ЕС стало фактом. Капиталистический кризис, проблема иммиграции, спорадические, но резонансные атаки фундаменталистов в западных городах, растущие тенденции деления, распространение поля битвы по всей Европе от Марокко до Украины в целом составляют взрывчатую смесь. Европейские общества, одно за другим, медленно, но неуклонно втягиваются в войну низкой интенсивности, которая неизбежно будет усиливаться. Те, кто у власти, хорошо знают об этом и готовятся, разворачивая свои силы против внешних и внутренних врагов.

Увеличение совместных военных учений, сотрудничество в энергетических вопросах и обмене информацией, закрытие границ, усиление административных заключений (только по отношению к беженцам - по крайней мере, на данный момент), милитаризация полиции и ужесточение законов ЕС о борьбе с терроризмом, во всяком случае, свидетельствуют о снижении уверенности

в себе среди доминирующих держав. Они готовятся к войне, и мы сами являемся их мишенями. Наша подготовка как революционеров к необъявленной, но явно развивающейся войне должна опираться как на исторические примеры, так и на современный опыт.

Международная солидарность

Продолжающаяся битва в Сирии поднимает ряд вопросов и учит множеству уроков. Некоторые вопросы приводят к относительно безопасным выводам. Один важный вывод состоит в том, что в социальной революции эффективная оборона и коммунитарная самоорганизация социальной базы должны идти рука об руку. Другой вывод состоит в том, что чем лучше оснащено движение, тем больше возможностей для его политического и физического выживания. Проще говоря, власть приходит от пылающих орудий, но давайте не будем забывать, что у врагов повстанцев ... есть оружие, чтобы стрелять. Это основное, на что они, в конечном итоге, полагаются; свое материальное превосходство. Поэтому мы, как революционеры, хорошо знаем, что наша сила соразмерна размеру социальной базы, которую мы мобилизуем (которая, в свою очередь, неразрывно связана с силой оружия). Как мы говорим, «солидарность - это оружие народов». Тем более, что в наше время наша корневая база должна быть достаточно широкой, чтобы включать как местные, так и глобальные социальные силы. Мы все признаем, насколько важно распространять нашу борьбу за пределами узких локальных границ. Важным направлением борьбы является также оказание давления на иностранные правительства, которые никогда не останутся нейтральными, поскольку они всегда разделяют определенные интересы с местной элитой (политической, экономической, военной и т.д.).

С другой стороны, вклад в борьбу на полях сражений - еще одна большая глава.

Интернациональные бригады, сражавшиеся на стороне революционеров, были и остаются живой частью истории. Нет необходимости приводить конкретные примеры солидарности во всей истории революций. Все же было бы интересно взглянуть на другую сторону, а именно на врагов.

«Контрреволюционная история» полна примеров «чужих» сил, спешащих на помощь. В Сирии, в частности, мы стали очевидцами как консервативных фундаменталистских международных бойцов ИГ, так и проправительственных наемников режима. Кроме того, определенно известно, что капитал не знает границ; в действительности он использует границы вместе с националистическими идеями, религиозным фанатизмом и т. д. всякий раз и в зависимости от того, как он считает нужным. В случае, если Асад и его союзники - то есть доминирующая местная элита Сирии - окажутся «победителями», то это официально будет представлено как символ национальной гордости и единства, несмотря на то, что их задницы были спасены благодаря внешней интервенции. Мы видели, как это произошло и в Греции, где отечественные спасители нации смогли обслуживать свои интересы с помощью английских и американских вооруженных сил. Международная солидарность в форме классового интереса приходит не только в нашу повестку дня, но и к власти имущим. В этом контексте интересы и ценности в социальном антагонизме и, соответственно, наиболее выгодные альянсы становятся более очевидны. Для сети паразитов, состоящей из элит, боссов, авторитариев и государств, не возможно сосредоточится на едином враге, несмотря на их материальное превосходство. Поэтому нашей основной целью должна быть поддержка революционной борьбы на международной основе любыми возможными способами: политическими, экономическими, военной помощью, удаленно или присутствуя на реальном поле битвы.

Те, кто внизу, идут вместе с низами

В двух словах, единственный надежный вывод, который мы последовательно извлекаем из каждого восстания, революции, войны или любой насильственной перестройки человеко-географических и экономических факторов, в общем, заключается в том, что чем лучше мы подготовлены к столкновению, тем больше возможностей мы имеем преобладать физически и, следовательно, социально. Каждый день каждый из наших шагов является частью революционной подготовки, даже если заранее не разработан конкретный план.

Каждая ассамблея или другая горизонтальная структура строит отношения межличностного доверия; это помогает людям распознавать друг друга как спутников на общих дорогах, разрушая отчуждение массового общества. Самоорганизованные структуры, сквоты, низовой синдикализм, самоорганизованные клиники, эко-сообщества и т.д. являются первыми ячейками социальной структуры, к которой мы направляемся, и этот опыт помогает нам ознакомиться с реальными процедурами самоорганизации, которые мы хотели бы развивать в хаотических условиях, таких как война.

Создание иллегальных структур, приобретение оружия, информации и т.д. могут быть, в первую очередь, материальной и психологической подготовкой к защите наших сообществ и, как продолжение, источником вдохновения для других, чтобы экспроприировать и использовать оружие противника самим в стремлении к широкомасштабной самоорганизации нашей повседневной жизни.

Солидарность с беженцами, подразумевая непосредственно затронутых кровопролитием, обеспечивает конкретное решение их основных потребностей и приводит к ценному опыту и отношениям. Иницируя давление на наши государства путем организации мероприятий, демонстраций, прямых действий и т.д. против вмешательств, сделанных государствами США и Россией, которые убивают и заставляют огромные массы людей перемещаться исключительно потому, что им выпало несчастье жить в географической зоне интереса этих держав, означает что мы принимаем сторону в этой и каждой войне. **Мы находимся на стороне восставших и самоорганизовующихся структур; мы выступаем против централистского, светского, фундаменталистского или любого другого авторитарного формирования.**

6. ПОСЛЕДНИЕ СОБЫТИЯ В СИРИЙСКОЙ ВОЙНЕ

Последние два месяца создали новые реалии и добавили новые переменные в огромную бойню сирийской гражданской войны. Шесть лет после революции 2011 года война все еще находится на полных оборотах. Ниже приводится краткий обзор новых фактов и событий, которые произошли до сегодняшнего дня (январь 2017 года).

В первой половине декабря преступные авиаудары, проводимые совместно режимом и российским государством в повстанческих пригородах Алеппо, продолжались, совместно с осадой, непрерывно. Один за другим районы повстанцев попали в руки режима. Важную роль в этом сыграла фашистское государство Турции. В результате вторжения в Сирию в рамках операции «Щит Ефрата» в конце августа, Турция вынудила (наиболее манипулируемые) части ССФ и некоторые исламские организации (например, Ахрар аш-Шам) объединиться с турецкой армией в операции против ИГ и SDF. Турция сумела добиться значительного контроля над руководством этих организаций, несмотря на сильную реакцию со стороны рядовых бойцов (многие из которых ушли в другие группировки, например, бывшую аль-Нусра [сейчас Тахрир-

аш-Шам]). В конце концов, руководство перебросило множество бойцов на операцию «Щит Ефрата», ослабив защиту Алеппо. Когда эти бойцы ушли в Аль-Баб, то, что несколько месяцев назад казалось довольно трудным, сбылось. 22 декабря весь Алеппо попал в руки режима. С почти всей восточной стороной, разрушенной авиаударами, с тысячами погибших и раненых, с еще большим количеством беженцев, разворачивался настоящий геноцид, совершенный режимом Асада и его союзниками.

После оккупации города последовали соглашения об эвакуации (известными зелеными автобусами) последних кварталов, занятых повстанцами, и ряд дальнейших злодеяний. «Хезболла» и другие шиитские ополченцы совершали массовые убийства, грабежи и нападения на гражданских лиц, а с другой стороны, некоторые бойцы бывшего фронта Аль-Нусры сжигали автобусы, используемые при эвакуации женщин, детей и раненых из двух шиитских деревень, Кефрая и Аль-Фуах, которые были осаждены повстанцами в районе Идлиба. Беженцы из Алеппо поселились в военных лагерях в Идлибе. После их прибытия демонстрации против геноцида Алеппо и солидарности с революционным сирийским населением прошли во всех районах, контролируемых антиправительственными силами, а также во многих местах мира (от Европы до сектора Газа).

После оккупации Алеппо, которая уже давно является главной мишенью режима по ряду экономических, военных и символических причин, Турция и Россия выступили посредниками и 29 декабря «перемирие» было подписано. С первых же часов стало очевидно, что так называемое «перемирие» обслуживало только интересы турецких и российских государств и, конечно же, режима Асада. ИГ, SDF и Fateh al Sham (бывший фронт Аль Нусра) были исключены из этого «перемирия». Это дало режиму шанс бомбить и атаковать любое место, которое ему понравилось в Сирии, до тех пор, пока оно принимало (или утверждалось, что оно принимало у себя) даже самую маленькую группу бойцов.

Воспользовавшись этим «перемирием», Асад попытался занять оставшиеся районы, контролируемые антирежимными силами вокруг Дамаска. С 23 декабря режим Асада и «Хезболла» начали крупное нападение на группу деревень Вади-Барада, расположенную в 15 км к северо-западу от Дамаска, что представляло угрозу стать новым Алеппо. Источники воды, которые снабжали столицу, находились под контролем повстанцев с 2012 года. 22 декабря жители Дамаска остались без доступа к питьевой воде. Повстанческие группировки обвинили режим в бомбардировке источников, в то время как Асад обвинил их в загрязнении воды бензином. Несмотря на вывод фронта Аль-Нусры из района в июле (по словам других, на момент зимы) там еще находится отряд из 30 бойцов, режим утверждал, что большинство бойцов принадлежало «Аль-Нусре» и продолжало воздушные атаки в этом районе, а «Хезболла» медленно, но неуклонно продвигалась вперед в ходе ожесточенных боев на земле.

Поскольку Вади-Барада постепенно превращался в главный фронт войны, декларация о «перемирии» распространяла поле битвы по всей Сирии (провинция Идлиб, осажденный город Мадая, западная Гута - предместья Дамаска, контролируемые повстанцами, Хомс, Хама, район Алеппо и Ярмук). Между тем положение на фронте между ИГ и режимом обострилось, главным образом в результате инициативы последнего. В ходе неожиданной операции ИГ повторно заняла Пальмиру и районы Дейр-эз-Зора.

За последние два месяца не произошло существенных изменений в отношении операции «Щит Ефрата», проводимой турецким государством и некоторыми повстанцами. Битва за Аль-Баб продолжается без ответа со стороны ИГ, хотя последняя нанесла значительный урон турецкой

армии и повстанцам. Однако, недавнее сближение Турции и России привело к совместным авиаударам против объектов ИГ, базирующихся в Аль-Бабе.

С другой стороны, операция SDF (YPG / J и некоторых бригад CCF) под эгидой возглавляемой США коалиции, которая обеспечивает координацию, а также эффективные военно-воздушные силы, продолжает успешное продвижение к северным селам Ракки, столицы ИГ.

Картина также включает в себя американские дроны, неустанно нацеленные на исламистских повстанцев; главным образом тех, кто принадлежит к бывшему фронту Аль-Нусра. Эта стратегия США началась в сентябре 2014 года, но после объявления «перемирия» она резко усилилась.

Следующим этапом были разговоры в Астане 23/01 о «политическом» решении сирийского вопроса с участием Асада, Ирана, России, Турции и некоторых представителей антиправительственных сил, в основном из бригад (светских или исламских), руководство которых частично контролируется Турцией. Многие группы повстанцев были вынуждены участвовать из-за постоянных нарушений «перемирия» со стороны режима. В течение января демонстрации и протесты восставшего населения Сирии продолжались в антирежимных районах с требованиями о единстве повстанцев, падения режима Асада и прекращения осады в их районах. Поэтому мы наблюдаем поворот событий в ходе гражданской войны в Сирии; который вряд ли был непредсказуем.

Подводя итог, у нас есть сближение России и Турции, основанное на общих интересах. Это, в свою очередь, привело к тому, что антиправительственные силы, контролируемые Турцией, отказались от своей цели свержения режима и превратились в пешки в политической повестке дня.

ДОПОЛНЕНИЕ:

К лету 2018 года режим и его союзники оккупировали все повстанческие анклавы, за исключением юга страны. Более того, режимные войска значительно продвинулись в провинции Идлиб, главном оплоте повстанцев. ИГ оказалась почти разгромлена в ходе стремительной кампании режима и SDF (которой удалось захватить столицу ИГ Ракка). Сейчас ИГ контролирует лишь маленький анклав на юго-востоке страны, и в большей мере перешло к партизанской тактике. Турция вторглась в контролируемый SDF Африн и почти полностью оккупировало эту область. В то же время Израиль все чаще стал наносить массивные ракетно-бомбовые удары в районе Дамаска по позициям «Хезболлы» и иранских войск. США в открытую атаковали с воздуха крупные военные объекты режима, обвинив Асада в применении химического оружия. Также, в ходе воздушного авианалета США разбили крупную атаку российских наемников в районе Дейр-эз-Зора, направленную против сил SDF, контролирующих заводы по переработке газа.]

Историческое противостояние между страной-участницей НАТО и Россией остается в стороне, когда дело доходит до территории Сирии, так что любые остатки противоречий стираются.

Кроме того, империалистам в конце концов удалось заключить сделку, нанести новые отметки на карты и вести бизнес как обычно. Но, как всегда, круг слишком тесен. Те, кто не признают себя проигравшей стороной, будут истекать кровью. Таким образом, в погоне за стабильностью в регионе, США уже давно продвигают режим, а теперь даже поддерживают самого Асада; после соглашения они нацелились на те антирежимные очаги, которые еще остались.

Трагедия в этой истории заключается в том, что вооруженные повстанцы по-прежнему доверяют политическим партиям - религиозным или светским - как посредникам в своей борьбе, что приводит к их последующему подчинению иностранным интересам. Вот почему мы видим, что крупные части ССФ и Ахрар-Аш-Шам служат в качестве пехоты турецкому фашистскому государству, которое использует ИГ в качестве предлога для подготовки нападения на восставшие кантоны Рожавы.

Точно так же силы SDF стали пехотой на службе возглавляемой США коалиции против ИГ, нацеливаясь также на Тахрир аль Шам, бывшую аль-Нусра. К сожалению, несмотря на религиозный экстремизм и авторитарные особенности, Тахрир аль Шам привлек всех тех, кто был предан; те, кто не вступает в соглашение о капитуляции с преступным режимом Асада, потому что они не откажутся от своего требования о свержении тирана, особенно после пережитого кровопролития. Эти взаимосвязи увеличили фрагментацию и открыли новую гражданскую войну между повстанцами Тахрир аль Шам и остальными.

Самые последние события подтверждают, что вовлеченные империалистические державы безразличны к свержению режима. Их оппортунистические мотивы участия раскрываются, поскольку они поддерживают те вооруженные группировки, которым удалось победить, подрывая самоорганизованные структуры революционных общин, которые они когда-то обещали защищать. В конце концов, они внесли разлад в революционную борьбу и привели ряды восставших к раздробленности.

В заключение, западные и восточные империалисты маршируют в единстве и согласии, убирая любые помехи на навязываемом остальным пути «мира» кладбищ, так что, невзирая на то, что они могут осуществить переход от экономики войны к стабильности свободного капитала. Их послание просто: не смей восставать ради свержения тиранов. И речь идет не только о сирийцах; скорее, это послание адресовано всем угнетенным в нестабильном регионе Ближнего Востока и Северной Африки, и даже (глухим) гражданам первого мира. Они стремятся дать понять, что тот, кто восстает, должен истекать кровью.

К сожалению, угасание революции и ее превращение в гражданскую войну стало логичным предсказуемым завершением с того момента, когда вооруженная борьба перешла от контроля координационных комитетов к тем сторонам, которые продвигали интересы, чуждые сирийской революции и ее целям освобождения.

Конечно, мы как революционеры всегда ставим на революцию, независимо от условий. Поэтому, поскольку мы поддерживаем самоорганизацию, исходящую от небольших групп в нашей локальной борьбе, независимо от ее колебаний и динамики, мы делаем то же самое и в отношении сирийского региона; мы последовательно поддерживаем самоорганизующиеся координационные комитеты и всех тех, кто борется за передовые ценности революции против режима Асада; те, кто отказывается принимать приказы от соседних или далеких государств и, таким образом, не принимают участия в преступных соглашениях. Протесты уже проходят в районах повстанцев с требованиями о падении режима и отказе от соглашения покориться ему.

Важно не покидать их в этот момент. Особенно сейчас, когда они были ослаблены и стали намного меньше численно, после того, как их покинули на убой и служению самым мрачным силам. Цель состоит в том, чтобы принести пламя восстания в наши регионы и воплотить наши императивы на практике, при этом не оказавшись несостоятельными оказать поддержку тем, кто самостоятельно организует свою общественную жизнь и вооруженную оборону в других

уголках планеты. Возможно, у них никогда не было возможности узнать о наших теоретических подходах, возможно, они не полностью одобряют их, или они все еще могут быть связаны с религиозными обманами. Тем не менее они действуют инстинктивно согласно принципам свободы, они борются с тиранами и практикуют подходы, которые имеют отношение ко всем борцам за свободу во всем мире.

Давайте расширим нашу поддержку не только на их победы, но и на их поражения. Давайте не будем допускать, чтобы военные самолеты, которые бомбят их, получали снабжение с европейской территории. Давайте попробуем соединиться с ними и общаться с ними, а не отказываться от них, чтобы их убивали. Давайте усилим социальное давление, которое разрушит стену молчания и покончит с апатией к событиям, разворачивающимися в Сирии. Ведь ни одна революция не слишком велика в нашем революционном плане, и ни один режим, - ни тоталитарный, ни буржуазно-демократический, - не могут служить интересам угнетенных.

Таким образом, мы должны извлечь уроки из успехов и ошибок сирийских революционеров, чтобы подготовить наши меньшие или большие восстания и организовать солидарность с восставшими, где бы они ни находились.

тюрьма Коридалос, январь 2017